

НИКОЛА ХОТЕЛЬ

Имя
ВСЕГДА
была
любавь

18+

Young Adult. Романтические бестселлеры Николы Хотель

Никола Хотель

Это всегда была любовь

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Хотель Н.

Это всегда была любовь / Н. Хотель — «Эксмо», 2020 — (Young Adult. Романтические бестселлеры Николы Хотель)

ISBN 978-5-04-155427-9

«Прочь!» – единственная мысль Обри, когда она сбегает из университета. Девушка покупает старую машину, бросает в багажник те немногие вещи, которые у нее есть, и уезжает к своей лучшей подруге Айви в Нью-Гэмпшир. Все, что ей сейчас нужно, – натянуть одеяло на голову и забыть. О той ночи. О той вечеринке. Обри терзают боль, стыд и страх. Однако побег не удался. Вместо лучшей подруги она встречает Ноя, сводного брата Айви. Своим импульсивным, но чутким характером парень вызывает в ней чувства, которые Обри сейчас не должна испытывать. Но которые все равно уносят ее, словно буря... В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-155427-9

© Хотель Н., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Playlist	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	42
Глава 7	49
Глава 8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Никола Хотель

Братья Блейкли. Это всегда была любовь

Nikola Hotel

It was always love

Copyright © 2020 by Rowohlt Verlag GmbH, Hamburg

© Копцева Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

Посвящается Маре

*Но как я могу любить тебя,
Если я не люблю самого себя?
И как я могу отдать тебе всего себя,
Если я только наполовину человек?*

Дин Льюис

Playlist

Teeth – 5 Seconds of Summer
Old Town Road – Lil Nas X, Billy Ray Cyrus
The Night We Met – Lord Huron, Phoebe Bridgers
Drink – Jamie Cullum
Bad Liar – Imagine Dragons
Nice To Meet Ya – Niall Horan
SLAVES OF FEAR – HEALTH
Crush – Cigarettes After Sex
What If – Rhys Lewis
bury a friend – Billie Eilish
Nothing's Gonna Hurt You Baby – Cigarettes After Sex
Die A Little – YUNGBLUD
No Shame – 5 Seconds of Summer
Apocalypse – Cigarettes After Sex
Half A Man – Dean Lewis
Blood // Water – grandson
i love you – Billie Eilish
Easier – 5 Seconds of Summer
Cry – Cigarettes After Sex
Don't Let Me Go – Cigarettes After Sex
Sanctify – Years & Years
She's Always A Woman – Billy Joel

Глава 1

Со щемящим сердцем я смотрю на бланк: минут десять он лежит у меня на коленях, а я до сих пор ничего не написала, кроме поддельного имени.

Наташа Романова... Надеюсь, доктор не заметит, а если заметит, буду надеяться, что у него есть чувство юмора.

Нервно постукиваю шариковой ручкой по нижней губе, думая о том, действительно ли мне нужно это обследование? Хочу ли знать, что произошло? Я же могу просто встать и уйти. Пока я разговаривала только с врачом из регистратуры, которая, держа трубку у уха, в ответ на вопрос недовольно сунула бланк мне в руки. Если сейчас уйду, то смогу сделать вид, что ничего не произошло и этой ночи никогда не было, тем более что я все равно ничего не помню.

Но... фотография.

Эта фотография и мысли о ней заставляют сердце биться чаще. Я не могу дышать, не хватает воздуха. Хотя Instagram и удалил это фото, но я не могу просто убрать его из своей галереи и притвориться, что его никогда не существовало.

Не проходит и четверти часа, как я получаю очередное сообщение и напоминание о причине, по которой отключила все уведомления. Мокрыми от пота пальцами вытаскиваю смартфон из кармана и снимаю с блокировки. Вытерев насухо ладони о джинсы, нажимаю большим пальцем на иконку Instagram. Нет, не потому, что хочется увидеть, сколько личных сообщений я получила от каких-то придурков, которые прячутся за дурацкими псевдонимами, и сколько раз они отметили меня. В последний раз, когда я смотрела, запросов было более пятидесяти штук. Удалив приложение, открываю браузер.

Привет @aubree.speaks.softly, мы сожалеем, что Вы хотите удалить свой аккаунт. Если Вам нужна пауза, то Вы можете временно деактивировать свою учетную запись в Instagram.

Временно. Мой желудок сжимается, потому что временное удаление вряд ли поможет в этом случае. Ничего не изменится.

- ☐ Почему Вы хотите удалить свою учетную запись?
- ☐ Беспокойство по поводу конфиденциальности
- ☐ Проблемы при запуске
- ☐ Хочу удалить что-то
- ☐ Высокая занятость/слишком отвлекает
- ☐ Слишком много рекламы
- ☐ Создан второй аккаунт
- ☐ Не могу найти, на кого подписаться

Другая причина

Instagram предлагает мне только эти варианты, но я не хочу больше иметь аккаунт в этой соцсети... Удалиться отовсюду, где только можно, даже из Бруклинского колледжа! Сейчас мне хотелось одного: удалить себя так же легко и непринужденно, как свою учетную запись...

Я делаю глубокий вдох и ставлю галочку у пункта «Другая причина», ввожу пароль, прежде чем снова убрать телефон в карман. Несмотря на то, что я сделала то, что хотела, чувство облегчения не появилось. Я прекрасно понимаю: ничего не изменится только потому, что сейчас мой профиль недоступен для посетителей. Они все равно будут говорить обо мне. Я в любом случае вылеку из колледжа. Мама все равно узнает об этом. Ручка трясется в руках, но я тупо ставлю галочки напротив всех болезней, даже тех, которых у меня нет. Поля с контактными данными оставляю пустыми, за исключением вымышленного адреса электронной почты. После этого встаю, подхожу к стойке регистратуры. Женщина за ней даже не смотрит на меня.

– Беременны?

– Нет, – прохрипела я. О боже, это возможно... О боже, пожалуйста, нет!

– Тогда посидите немного, вас вызовут.

Снова сажусь на холодный металлический стул в приемном отделении. Я еще могу уйти... Если доктор не вызовет меня в ближайшие семнадцать минут, я приму это за знак и исчезну. Семнадцать – это последняя страница, которую я разрисовала в своем ежедневнике, семнадцать – хорошее число для меня.

Но в приемном отделении почти пусто, и может потребоваться пара минут, прежде чем меня вызовут. Я сглатываю, теперь возврата нет. Врачебный кабинет здесь небольшой и старомодно обставлен. Наверное, врач еще молод и у него хватает забот, помимо новой мебели. Я прочитала о нем несколько отзывов в интернете, и один из них убедил меня, что это именно тот врач, который нужен. Я всегда читаю только негативные отзывы, чтобы убедиться в своем выборе. Однажды доктор Уорд заставил женщину сидеть в приемном отделении практически вечно, потому что к нему пришла молодая латиноамериканка с непонятными жалобами на боли в нижней части живота. Он принял ее вперед ожидающей, хотя у девушки не было даже медицинской страховки. Из-за этого его клиника получила отрицательную оценку от ожидающей пациентки, но именно этот отзыв определил мой выбор.

Кроме этого, его практика находится в Хартфорде, между Нью-Йорком и Хановером, в Дартмуте, где учится Айви. Я не могла больше оставаться в Бруклине и поэтому отправилась к ней. Идти к врачу здесь, в Хартфорде, имеет смысл хотя бы потому, что я больше никогда не встречу ни с ним, ни с его сотрудниками.

– Миссис Романова?

Поднявшись, на негнувшихся ногах следую за доктором, который открыл для меня дверь. «Присаживайтесь», – указывает доктор на обитый войлоком стул, выглядящий не очень респектабельно. Доктор Уорд окончил университет Тафтс в Бостоне четыре года назад. Я вижу дату окончания на дипломе, который криво висит на стене. Засунув руки между ног, я крепко сжимаю колени.

– Прежде чем я спрошу о причине вашего визита, мне нужно прояснить одну вещь: вы отметили в формуляре, что являетесь *самозанятой*, – он хмурится, глядя на мою регистрационную форму. – У нас есть специальные часы приема для женщин, которые не имеют медицинской страховки от работодателя. Каждый четверг с часа дня и до вечера. Также есть клуб, который поддерживает нас финансово. Поэтому, если это не чрезвычайная ситуация, я бы мог поговорить о вас с попечителями из клуба. – Он поднимает взгляд и улыбается мне.

– Спасибо, но я хочу заплатить сама. У меня есть деньги, – добавляю я, похлопывая рукой по своей сумке, которую повесила на спинку стула.

– Клуб заслуживает доверия. Они не получают персональные данные от нас, поэтому не переживайте по этому поводу, – его внимательный взгляд скользит по моему формуляру, – Наташа.

Я вижу, как он что-то вспоминает, а потом улыбается краешком рта

– Черная Вдова, советский агент из комиксов Marvel, не так ли?

Я должна была предусмотреть, что он догадается. Доктор был слишком молод, поэтому быстро раскусил меня. Одно хорошо: он, кажется, не злится.

– Я хочу заплатить сама. Вы же все равно не должны знать мое имя, не так ли? – От волнения я ерзаю на стуле. Доктор Уорд выглядит привлекательным. Сегодня утром он, должно быть, аккуратно причесал свои светло-каштановые волосы, но теперь они растрепались и падают на его веснушчатое лицо.

– Так в чем же дело? Какие у вас жалобы? – Он переводит взгляд на формуляр, содержащий скудную информацию обо мне. Я рада, что он больше не смотрит прямо на меня, но легче от этого не становится.

– Так, несколько дней назад... я... у меня все болело.

И под словом «все» я имею в виду действительно все. Я проснулась среди ночи, и было чувство, что меня переехали. Казалось, что каждая косточка в теле решила найти себе новое место. Было так плохо, что несколько раз вырвало. Начались спазмы, и от сильного головокружения я едва могла сделать пару шагов. Прошло несколько часов, прежде чем я смогла удерживать внутри желудка пару глотков чая.

– Не могли бы вы осмотреть меня?

– Что же случилось? – строча что-то в досье, спрашивает меня доктор.

Я глубоко вздыхаю.

– Я понятия не имею... – О, как это жалко звучит. Я не знаю, что произошло, потому что ничего не помню. Это самое ужасное. Я совершенно не знаю, что было ночью. Помню только, как пошла на вечеринку с Дженнифер и несколькими сокурсниками. Остались воспоминания о предвкушении вечеринки. До сих пор помню, как мы собирались у нее в комнате. Мы громко пели песню «Teeth» группы 5 Seconds of Summer и упросили пенсионера в магазине купить нам две бутылки пива. По дороге на вечеринку я отправила своей лучшей подруге Айви сообщение. Все. Больше ничего не помню.

Но фотография в любом случае говорит больше, чем тысячи слов. Я достаю свой смартфон и открываю галерею. Нажав на слегка размытое изображение, тут же отворачиваюсь, потому что не хочу видеть его снова. Затем кладу телефон на стол и подвигаю его к доктору Уорду.

– Это появилось в Instagram.

Доктор поднимает его и внимательно смотрит.

– Хорошо, кажется, я понял. – Он возвращает мне телефон. – Вы можете вспомнить, как появилась эта фотография?

Я отрицательно качаю головой. По его лицу сложно понять, шокирует его моя ситуация или нет. Интересно, что он думает об этом? Я нервно насчитываю шесть веснушек над его левой бровью и прикусываю губу.

– Вы принимали наркотики?

Над другой бровью – только пять. Хорошо, теперь я хоть примерно представляю, что он обо мне думает.

– Нет, никогда. По крайней мере, не по собственной воле. – Главная проблема в том, что я не знаю второго человека на этом снимке. Его лица вообще не видно, только руки на моем обнаженном теле. Мужские руки. Желудок снова сводит, поэтому я быстро убираю телефон обратно в карман.

– Вы сообщили в полицию?

Я медленно качаю головой.

– Я настоятельно рекомендую сообщить об инциденте. Это единственный способ провести расследование. Если вы совершенно ничего не помните о той ночи, то, скорее всего, дело не только в алкоголе.

То, на что он намекает, было ясно после первого взгляда на фото, но заявить об этом я никак не могу. Не могу из-за мамы.

– Я просто хочу забыть все это.

– Я понимаю, но вы должны сделать это. В первую очередь для себя. Даже если не сможете предотвратить распространение этого изображения, то сообщение является обязательным условием для наказания преступника.

– Я подумаю об этом, – говорю я, но понимаю, что не сделаю этого. Я больше никогда не хочу ни думать, ни вспоминать об этом.

– У вас было кровотечение? Вы осматривали себя после того, что произошло? – спрашивает доктор Уорд.

– Я... я не знаю... Только вчера, когда кто-то прислал мне фотографию, я поняла, что в тот вечер произошло что-то большее, чем я думала. У меня не было кровотечения, но я... мылась после... и... я не знаю...

– Вы больше не доверяете своим ощущениям и телу, – заканчивает доктор за меня. – Я понимаю. Давайте пройдем в процедурный кабинет, я осмотрю вас. – Он встает, открывает дверь в соседнюю комнату и пропускает меня вперед. За ширмой я снимаю джинсы и стринги. Стягиваю с себя рубашку и забираюсь на гинекологическое кресло. Доктор Уорд натягивает перчатки и гремит металлическими инструментами, которые я не вижу.

– Не пугайтесь, им надо немного остыть.

Я киваю и поднимаю голову вверх. Кто-то для отвлечения внимания приклеил к потолку плакат, на который неизбежно смотришь, когда лежишь в этом кресле. На нем изображена лестница, очередная оптическая иллюзия, создается ощущение, что она движется. Отвлекает ли это меня? Ни капельки.

Я благодарна доктору за то, что он не делает большой драмы из случившегося. Если бы он был сейчас преувеличенно осторожен и обращался со мной, как с хрустальной вазой, то я бы окончательно расклеилась. Во мне все сжалось. Я должна попытаться расслабиться, потому что иначе будет неприятно. Я прекрасно знаю, чего ожидать, но все равно вздрагиваю, когда он начинает осмотр. Доктор Уорд осторожно давит, что-то соскабливает, и я замечаю, как он откладывает в сторону ватную палочку.

– Все готово, Наташа, – говорит он и убирает медицинские инструменты.

– Обри, меня зовут Обри, – отвечаю я, смахивая слезы.

– Хорошо, Обри. Мне нужно еще раз прикоснуться к тебе. – Он давит сверху на мой живот, и через несколько секунд все заканчивается.

Доктор снимает перчатки и ободряюще кивает мне.

– Скорее всего, полового акта не было. – Он отодвигает табурет. – Девственная плева не повреждена. Возможно, она просто не разорвалась от проникновения, а лишь растянулась, но, думаю, это не ваш случай.

Я тяжело выдыхаю воздух, который задерживала последние несколько секунд, и выпрямляюсь.

– Я не была уверена, что чувствую себя так же, как раньше. Все тело было охвачено болью. Все болело так, что... – От облегчения и благодарности мне хочется выть, но я не делаю этого. Сглотнув комок в горле, смотрю в одну точку на стене, от которой по обоям бегут странные размытые красные линии, как будто ребенок нарисовал их восковыми мелками.

– Хорошо, что вы пришли. – Доктор Уорд отворачивается от меня. Быстро исследует мой мазок под микроскопом и вносит результаты в медицинскую карту. – На всякий случай, все

равно возьмем кровь, чтобы исключить венерические заболевания. Я попрошу свою коллегу дать вам контейнер для анализа, чтобы вы сдали мочу и образец волос. Если нам повезет, то сможем определить, что вам дали.

– Значит, вы думаете, что мне дали какие-то наркотики?

– Подобные провалы в памяти не могут появиться только из-за алкогольного опьянения. Такое происходит после приема наркотических веществ. Очень важно это задокументировать, если вы соберетесь обратиться в полицию. В этом случае они бы взяли на себя и расходы за анализы. Полиции нужны объективные доказательства, одной фотографии недостаточно, тем более что она могла быть сделана с вашего согласия.

С моего согласия, ну конечно... Я сжимаю губы, соскальзываю со смотрового кресла и прячусь за ширмой, чтобы одеться. Как же хорошо снова ощутить ткань на теле. Теперь я чувствую себя более уверенно.

– Я смогу связаться с вами по этому почтовому адресу, или он тоже поддельный?

Меня бросает в краску, и я очень рада, что доктор Уорд не может видеть сквозь ширму.

– Я... выдумала его.

– Тогда сделайте одолжение и дайте правильный почтовый адрес. Я отправлю результаты анализов в ближайшие дни по электронной почте.

– Хорошо.

Я выхожу из-за ширмы и исправляю данные в регистрационной карточке пациента, прежде чем доктор берет у меня кровь на анализ.

Протянув мне руку на прощание, он пронзительно смотрит на меня.

– Никогда не внушайте себе, что во всем произошедшем виноваты только вы, Обри. Наркотические вещества всегда добавляют незаметно, чтобы сделать человека беззащитным. Это преступление. Вы понимаете меня? Это не ваша вина, поэтому, пожалуйста, не чувствуйте себя виноватой.

Я киваю, все еще чувствуя свою вину во всем случившемся. Если бы я ничего не пила, то никто не смог бы подмешать мне эту дрянь. Если бы я не пошла на эту вечеринку, то не чувствовала бы себя сейчас такой доверчивой душой...

– Неважно, какими будут результаты анализов. Даже если вы пили только алкоголь, то все равно не могли согласиться на этот крайне неприятный снимок. Вы позволяли делать с собой нечто подобное только потому, что не могли сопротивляться. Молчание не равно согласию, Обри. Ни в коем случае.

– Да.

– Если вдруг что-то произойдет, сразу же приходите.

– Спасибо, доктор Уорд. – Мне становится легче, когда он наконец-то заканчивает речь и я могу покинуть смотровой кабинет.

Помощница бросает взгляд на документы, которые передал ей врач, прежде чем вызвать следующего пациента. Затем она открывает формуляр на экране и что-то начинает печатать. Когда я подхожу к ее стойке, она помечает два пластиковых контейнера для анализов и протягивает мне один из них.

– Одного-двух волос хватит, – говорит она мне и, наклонившись над стойкой, с помощью пинцета выдергивает у меня пару волос. – Туалет вы найдете справа от процедурного кабинета. Потом просто оставьте контейнер на маленьком столике в коридоре.

– Спасибо.

Вернувшись из туалета, я оплачиваю осмотр и анализы.

Пропонсировано мамой.

Даже если она и не узнает об этом, пусть лучше думает, что я купила на эти деньги книги для своих курсов. Правда, теперь они мне не понадобятся, потому что я хочу оставить все, что имеет отношение к Нью-Йорку.

Все эти мысли вызывают у меня угрызения совести и заставляют краснеть. Я должна была соврать маме, чтобы она ни в чем себя не винила. Она и так много лет чувствует вину из-за того, что уделяет мне слишком мало внимания и времени, думая, что ее статус знаменитости доставляет мне лишь одни неприятности. Я же не могу напрямую сказать ей, насколько она права. Мне стыдно не только потому, что солгала ей, но и потому, что у меня есть на это основания. Я была в таком состоянии, и бог знает, сколько людей видели этот снимок. Мне стыдно, потому что я не знаю, что делали со мной эти руки с фотографии, где они трогали меня. Мне стыдно, что я не сопротивлялась. Но я должна справиться со всем произошедшим самостоятельно, и неважно, осуждает меня доктор Уорд или нет. Главное, что я сама осуждаю себя.

Я выхожу на улицу, в лицо дует свежий осенний ветер. Пытаюсь открыть дверь старого «Форда», который я купила за пятьсот долларов и который выполнит свою миссию после моего возвращения в ХанOVER. Дверь машины настолько проржавела, что ее можно открыть, только приложив недюжинную силу. Мне вообще не стоило закрывать ее. Не думаю, что у кого-то хватило бы сумасшествия украсть это корыто. Одного запаха мертвой мыши хватит, чтобы отпугнуть любого грабителя.

Я бросаю сумку на пассажирское сиденье к рюкзаку и пристегиваюсь, хотя ремень безопасности отстегнется буквально через пять минут, потому что застежка сломана. Печка тоже не работает, это стало особенно ощутимо сегодня утром, когда температура на улице опустилась до шести градусов. Я нахожу навигатор в смартфоне, закрепляю его в пластиковом кронштейне и включаю радио. Песня Billy Ray Cyrus, которая раздается из динамиков, напоминает о том, что кнопка настройки больше не работает, поэтому следующие два часа мне придется слушать исключительно кантри, которое я ненавижу. Мне нравится джаз, блюз и обычная попса. Я выключаю радио, откидываюсь назад и прижимаю руки к лицу.

Я все еще девственница. Да, я испытываю огромное облегчение по этому поводу, но совершенно не избавляюсь от отвращения, которое охватывает меня, когда вижу эти руки на фотографии. Ощущение чужих пальцев на моем теле больше похоже на фантомную боль. Я с содроганием выпрямляюсь и вытаскиваю из бардачка свой ежедневник. На семнадцатой странице написан список дел из четырех пунктов на сегодняшний день. Я проверяю, что сделала, и ставлю отметку на первом.

Список дел

- ☐ Пройти осмотр у врача.
- ☐ Забрать ключи у Айви.
- ☐ Позвонить маме и признаться, что я вылетела из колледжа.
- ☐ НЕ ПАНИКОВАТЬ!

- ☐ Пройти осмотр у врача
- ☐ Забрать ключи у Айви
- ☐ Позвонить маме и признаться, что я вылетела из колледжа
- ☐ НЕ ПАНИКОВАТЬ

Сердце начинает биться быстрее. Два последних пункта лучше отложить на другой день, потому что руки начинают дрожать от одной мысли об этом. Я пережила худшее, что только могло случиться. Достāju черную ручку, рисую три точки и соединяю их, потом смотрю на буквы, которые нарисовала сегодня утром на предыдущей странице:

Я решу эту проблему криком

Именно это и надо сделать прямо сейчас. Я завожу машину и уезжаю. Только когда оказываюсь на шоссе, а спидометр показывает более 40 миль, я кричу в лобовое стекло так громко и долго, пока не перестану слышать свои мысли в голове.

Я
решу
ЭТУ
проблему
КРИКОМ

Глава 2

Квартира в студенческом общежитии «Kings», где живет Айви, находится на полпути между небольшим парком колледжа и кладбищем. Я припарковываю машину на общественной стоянке, под большим каштаном, где ее в течение недели покроет осенняя листва, а потом она сгниет без меня. Больше никогда не хочу садиться в нее, я больше вообще ничего не хочу. В голове только одна мысль: в квартире Айви натянуть на голову одеяло и спать до тех пор, пока ногти на ногах не отрастут хотя бы на дюйм.

Я закидываю свой рюкзак за спину, старый шопер болтается у меня на запястье, придерживаю бедром большую коробку с микрофоном и остальным техническим оборудованием, пытаюсь в полумраке рассмотреть табличку с именем над звонком. Еще до того, как я нахожу табличку с именем брата Айви, в коридоре дома зажигается свет и открывается дверь.

– Благодарю. – Я протискиваюсь между длинноволосым парнем и его девушкой, которые любезно придерживают дверь, и направляюсь к лифту. Нажав локтем на кнопку вызова, жду.

Квартира Айви расположена на втором этаже. Два дня назад она уехала домой к отчиму, которого выписали после трех месяцев, проведенных на послеоперационной реабилитации. Хотя осенний семестр уже начался, она решила пропустить пару недель и побыть дома, но ее сводный брат, живущий здесь же на четвертом этаже, остался и должен будет передать мне ключ.

– Эй, ты новенькая? Живешь в двадцать третьей? – спрашивает парень, который впустил меня. Он все еще стоит в дверях и смотрит на меня. Его подруга роется в сумочке в поисках ключей. На ней очки в широкой оправе, яркие бирюзовые серьги и красная юбка в цветочек.

Что он имел в виду под двадцать третьей?

– Да, я новенькая. – Когда же придет этот лифт? Жаль, что я не достала из рюкзака солнцезащитные очки и не спряталась за ними. Хотя это могло показаться странным в это время суток. Страх, что меня кто-то узнает, двигался за мной по пятам, куда бы я ни пошла. В Бруклинском колледже все знали, что я дочь актрисы Бриджит Стерджесс. Последний год меня это не сильно беспокоило, но теперь из-за этой фотографии все изменилось. Моя мама могла узнать, что я натворила, и это может уничтожить всю ее карьеру.

– Как так вышло, что ты получила здесь комнату? В «Kings» могут жить только студенты старших курсов. Я жду больше одиннадцати месяцев, чтобы получить комнату.

– Кен, какая разница?! Пойдем, мы опаздываем. – Спутница молодого человека тянет его за рукав.

– Я приехала навестить подругу, – отвечаю я и снова нажимаю на кнопку, как будто это ускорит лифт.

– Поэтому у тебя столько вещей с собой? – Он осматривает мой багаж. – Черт возьми, я знал, что они просто издеваются надо мной. Я хожу к ним каждую неделю на протяжении одиннадцати месяцев, но у них постоянно какие-то оправдания. С меня достаточно!

Почему он выбрал именно меня, чтобы пожаловаться на свою судьбу? У меня своих забот хватает.

– Я не хочу переезжать сюда, слышишь? Здесь живет моя подруга, можешь проверить, – пытаюсь успокоить его.

– И кто она?

– Айви Блейкли. – Лифт, похоже, застрял на верхних этажах, и я раздумываю, смогу ли дотащить весь свой багаж сама, чтобы поскорее убраться отсюда. Неуверенно смотрю на лестничную площадку. В крайнем случае, коробку можно оставить здесь.

– Я знакома с Айви, но позавчера она уехала домой, – кивает девушка.

– Знаю, но у меня есть ключ, и Айви разрешила мне пожить у нее. – Вообще-то, моя лучшая подруга еще не знает, на какой срок я хочу остаться у нее, да я и сама не знаю. Просто сказала, что мне нужно срочно уехать на несколько дней из Нью-Йорка, развеяться, а то голова идет кругом. Конечно, я не стала озвучивать ей истинную причину, почему мне пришлось купить старую развалюху, погрузить туда все свои вещи и бежать из комнаты в общежитии Нью-Йорка. Я не хочу больше возвращаться туда. Мне не хотелось сводить ее с ума по телефону, потому что она и так переживает из-за своего отчима.

– Ладно, – парень вздыхает, – прости, что накричал на тебя. Несколько дней назад Кайя выехала с четвертого этажа, но они отказались сдать мне квартиру, потому что там нужно что-то отремонтировать. Я подумал, что ее сдали тебе.

– Да, понимаю. – Я поворачиваюсь к дверям лифта и с облегчением слышу гул. Наконец-то он едет! Парень же и не думал униматься.

– Я живу в Оук-Парк-Хаус уже два года, и это самая ужасная дыра на свете! Батареи гудят и скрипят ночью, как адские ворота, пол пережил уже не одно поколение жильцов, у нас общий душ и туалет. Мне нужно делить свой унитаз с пятнадцатью людьми, можешь себе представить?

Хотя мне совершенно не до него, на моих губах появляется странная улыбка.

– Мне очень жаль.

– Кен, давай уже поедem! Я обещала Мейв, что мы будем в половине десятого и поможем ей на стройке.

– Еще секунду. – Он отпускает дверь, и она захлопывается. – Меня зовут Кен Уокер, а если быть точнее, Кеннесо, а это Дженна Колегров. Мы члены NAD. – Парень протягивает мне правую руку. Я напрягаюсь, но рукопожатия не получается из-за того, что руки заняты. Заметив это Кен, опускает свою руку.

– Р... рада знакомству, Кеннесо. – Мой голос звучит взволнованно, даже я замечаю это. В конце концов, если не справлюсь с произошедшим, можно будет делать татуировку на лбу – «Жертва». – Я... Обри, – опустив коробку на пол, отталкиваю ее ногой в сторону.

– Ты понятия не имеешь, кто такие NAD, не так ли?

Если он думает, что мое странное поведение связано с этим, то не буду его переубеждать.

– Ты прав, ни малейшего.

Он стонет.

– Ну вот, опять человек, который слышит о нас впервые! Надоело!

– Возьми себя в руки! Через пару недель она освоится здесь и во всем разберется, – нервно говорит Дженна, поправляя пальцами соскользнувшие к носу очки.

– И все равно это отвратительно, – резко отвечает он и поворачивается ко мне. – *Native Americans of Dartmouth*¹, это студенческая группа для всех, кто заинтересован в своем происхождении. Мы организуем дискуссионные форумы, вечеринки и лекции. Если есть желание, то присоединяйся к нам.

– Ясно. – Только нет никакой уверенности в том, что мне это подходит, и дело тут совершенно не в темах их обсуждений. Мероприятия с большим количеством людей не для меня, особенно после той злополучной ночи. Кто-нибудь может меня там сфотографировать или снять видео. Нет, спасибо, с меня хватит.

Кеннесо ухмыляется, а я замечаю, какие у него невероятно ровные и белоснежные зубы, да и вообще, его можно назвать красавчиком. У Кена необычайно прямые волосы, которые ниспадают на грудь, а лицо будто вырезано из мрамора, как у античной скульптуры.

– Буду рад, если ты придешь.

¹ Коренные американцы Дартмута.

– Я тоже рада знакомству и твоему участию в нашем клубе, Обри, но прости, нам действительно надо идти. Может быть, скоро увидимся. У меня тоже квартира на двоих, как и у Айви, – перебивает Кена Дженна.

Я киваю и заталкиваю ногой коробку в тесную кабину подошедшего лифта.

Кеннесо поднимает руку в знак прощания.

– Если что-нибудь услышишь про комнату Кайи, дай мне знать, хорошо? Оук-Парк-Хаус, первый этаж с окном на шумную улицу. Если вдруг заблудишься, спроси у любого о самом паршивом общежитии во всем кампусе.

– Хорошо, сделаю, – я быстро киваю им еще раз, прежде чем зайти в лифт и нажать кнопку напротив цифры «Четыре». Когда двери наконец закрываются и лифт начинает подниматься вверх, я с облегчением прислоняюсь затылком к стене. Эти двое кажутся милыми, но дело в том, что любой разговор сейчас слишком утомителен для меня. Я боюсь сказать что-то не то, случайно выдать свое состояние. Очень хорошо, что здесь никто не знает меня, пусть так и будет. Я больше никому, ни при каких обстоятельствах, не буду называть свою фамилию. Она слишком часто появляется в титрах сериалов на Netflix.

Кабина лифта слишком узкая, чтобы можно было наклониться, поэтому я выталкиваю коробку ногой, когда поднимаюсь на нужный этаж. Передо мной темный, без единого окна коридор, поэтому я ощупываю ладонью стену, где, по моему мнению, должен быть выключатель. Наконец-то мне удастся его найти, и желтые лампы теперь освещают темноту. Айви подробно описала мне, где находится комната ее сводного брата, поэтому я иду по коридору к предпоследней двери по левой стороне. Он не прикрепил табличку с именем, но поставил у стены ужасно грязные сапоги, которые выглядят так, как будто в них чистили конюшню. На голенище написано черным фломастером его имя.

Я закусываю нижнюю губу. Когда Айви снова стала общаться со своей семьей, я просматривала его профиль в Instagram несколько раз, так что, думаю, узнать его будет легко. Правда, то, что Айви рассказала мне о нем, не вызывает особого доверия. Он публикует каждый день кучу фотографий, регулярно выкидывает фортели, и его тело почти полностью покрыто татуировками. Я невольно хватаюсь за живот. Мне нужен этот чертов ключ! Почему я не рассказала Айви о том, что произошло на самом деле? Тогда она просто положила бы его под коврик, и мне бы не пришлось иметь дело с ее братом. Правда, в этом случае Айви сразу же примчалась бы ко мне и оставила отчима. Я хорошо знаю, как она заботится о нем и что их отношения до сих пор очень хрупкие.

Ладно, Ной Блейкли, надеюсь, ты не такой жестокий человек, каким показался мне сначала в социальных сетях. Пожалуйста, будь сегодня добрее ко мне, потому что другого отношения я просто не вынесу.

Я нажимаю на кнопку звонка – за дверью тишина, не слышно никакого движения. Звоню во второй раз и снова жду. Спустя две минуты ничего не меняется. Я решаюсь постучать в дверь и продолжаю давить на кнопку звонка. Черт! Этого парня, похоже, вообще нет дома. Я полдня ехала из Нью-Йорка до Нью-Гэмпшира, чтобы забрать ключ, а этот идиот куда-то ушел? Айви же предупредила его о моем приезде, что могло произойти?

От злости и разочарования у меня на глазах наворачиваются слезы. Нет, я не сломаюсь сейчас. Мне просто нужно время, чтобы побыть наедине с собой, в компании теплого одеяла и темноты. Мое желание оказаться в темноте исполнилось мгновенно: лампы в коридоре погасли. Я нажимаю на выключатель под кнопкой звонка и достаю телефон. Медленно опустившись на пол, прислоняюсь спиной к коробке с вещами. На экране телефона высвечиваются несколько пропущенных звонков: один от Тейлора, с которым мы ходили на курсы в Нью-Йорке, другой от мамы. Пока я ищу номер Айви в избранных, мне звонит мама. Я не могу нажать кнопку «Отклонить вызов», потому что она сойдет с ума, не зная, что со мной и почему я не отвечаю

на звонок, поэтому отключаю звук и жду, пока ее фотография не погаснет на экране. После этого отправляю сообщение Айви.

Обри: Я стою перед комнатой Ноя, но он не открывает. Он знает, что я должна приехать?

Галочка рядом с сообщением буквально через пару секунд засветилась синим цветом.

Айви: Я написала ему, что ты будешь между 6 и 8. Сейчас все выясню и напишу тебе.

Мой взгляд останавливается на ее ответе, пока звук телефона не пищит, оповещая о новом сообщении с неизвестного номера. Из-за того, что я отключила уведомления, значок о сообщении высвечивается наверху экрана. Проведя пальцем сверху вниз, нажимаю на него, чтобы просмотреть, несмотря на то, что внутренний голос говорит, что не стоит этого делать.

Неизвестный: Шлюха!

Я вздрагиваю и рефлексивно удаляю сообщение, прежде чем заблокировать отправителя. Когда-то читала, что у эскимосов для снега есть около ста названий, но это число ничто по сравнению с существующим количеством уничижительных ругательств, предназначенных для женщин. Шлюха – самое частое, что я слышу и вижу в свой адрес, и каждый раз это причиняет мне острую боль. Я знаю, что не должна принимать это близко к сердцу, потому что это неправда, но внутри меня все сжимается. Зачем люди это делают? По-моему, они хотят, чтобы у меня создалось чувство, будто я последняя дрянь? Никто из них и понятия не имеет, что произошло. Даже я не знаю, что было той ночью.

В сотый раз проклиная WhatsApp за то, что нельзя заблокировать неизвестный номер. Телефон снова пищит, я вздрагиваю, но это всего лишь Айви, которая пишет, что дозвонилась до Ноя и он приедет через полчаса. Я с облегчением откидываюсь назад и на мгновение закрываю глаза. Стараюсь отключиться от всего, что произошло за последние несколько дней, и сосредоточиться только на дыхании. Спустя полчаса Ной так и не появляется. В какой-то момент я перестаю следить за временем. Когда свет в коридоре гаснет в сотый раз, я не включаю его снова.

– Привет. – Я ощущаю на своем плече чужую руку и вздрагиваю. Из-за темноты не могу понять, где я. Мне холодно, пятая точка болит от жесткого пола, а спина затекла. Но прикосновение руки... Перед глазами сразу же вспыхивает фотография, и я с криком вздрагиваю. Сбросив чужую руку с плеча, хочу отползти в сторону, но моя коробка преграждает путь, поэтому я беспомощно хватаюсь за чью-то ногу и слышу незнакомый голос, который начинает ругаться:

– Черт, ты что, дура? Я просто пытался разбудить тебя.

Хрипло и тяжело дышу. Никогда так не дышала, как сейчас: моя грудная клетка сжимается так сильно, что там, внутри, для воздуха просто нет места. Мне хочется кричать, чтобы меня никто не трогал, но во рту все пересохло, голос пропал и вырвался лишь приглушенный всхлип.

Наконец незнакомец перестает ругаться и нажимает на выключатель.

– Извини. Я не хотел тебя напугать. Свет погас, как только я протянул руку, в самый неподходящий момент. – Он скрестил руки на груди и сделал шаг назад.

– В... в очень неподходящий. – Я дрожу всем телом и с трудом могу заставить себя выпрямиться. Игнорируя протянутую мне руку, я прижимаюсь спиной к стене. Не могу поверить, что я в самом деле уснула. Как же я могла быть такой глупой? Кто угодно мог пройти по коридору.

К счастью, сейчас передо мной стоит Ной. Он выглядит точно так же, как и на фото в Instagram: молодой и какой-то... ну да, весь в татуировках. На нем потертые джинсы и простая серая толстовка. Парень убирает правую руку в карман и вместе с ней исчезают некоторые

символы татуировки. Он что-то вытаскивает, а я внимательно слежу за его движением. Не знаю, почему делаю это. Неужели внутренне ожидаю увидеть оружие или просто не хочу, чтобы меня застали врасплох?

Ной замечает мой взгляд.

– Я достану только ключ от моей комнаты, хорошо? Я не намерен расчленять тебя у своей двери. Мои соседи очень чувствительно реагируют на пятна крови в коридоре. – Усмехнувшись, он открывает дверь и проходит мимо меня в свою комнату.

Я все еще пытаюсь восстановить дыхание, голова кружится. Мысли и чувства перегружены из-за того, что моя обычная жизнь за последние дни просто растворилась, будто ее и не было.

Потираю лоб. Ладно, что теперь делать? Ах да, ключ!

– Ты можешь дать мне ключ от квартиры Айви? Я очень устала и жду уже несколько часов, – сказала я. Точно не знаю, сколько проспала, но, должно быть, довольно долго, раз у меня так затекла спина.

– Извини, у меня были дела.

– Конечно, без проблем. Мне нравится сидеть в чужих коридорах на полу, я не сильно привередливая.

Ной снимает ботинки и бросает на меня раздраженный взгляд через плечо.

– Заходи. Не хочу, чтобы соседи жаловались на шум.

Мой взгляд скользит по его комнате, которая кажется слишком маленькой для большого шкафа и кровати. Ноги не двигаются ни на дюйм. Я смотрю на спину парня, его свободные джинсы, на телефон, который торчит из правого кармана. Он хорошо накачан и совершенно не тощий. Я ни в коем случае не пойду в комнату к совершенно незнакомому человеку, пусть он будет хоть сто раз сводным братом Айви.

– Просто дай мне ключ, и я пойду.

Ной поворачивается ко мне и внимательно смотрит снизу-вверх. Его взгляд перемещается с моих кроссовок на узкие джинсы, ненадолго задерживается на сведенных судорогой руках, которые опущены по обеим сторонам тела, и наконец смотрит мне прямо в лицо. Я сжимаю губы.

– Может, нам стоит начать все сначала? Прости, что тебе пришлось так долго ждать. Я знал, что ты приедешь, просто иногда происходит какая-нибудь незапланированная фигня. Итак, меня зовут Ной, мне двадцать лет. Я здесь первый семестр и состою в команде по верховой езде Дартмута, – нахмурившись, рассказывает он мне.

Я, конечно же, не намерена отвечать ему тем же. Нет совершенно никакого желания рассказывать о себе, но что-то в его взгляде заставляет меня успокоиться и отказаться от идеи просто взять ключ и уйти. Может быть, это из-за того, что его зеленые глаза напоминают мне тростник, который я так люблю. Может, из-за его мелодичного голоса и такого мягкого тембра. А может быть, все из-за того, что я просто устала.

– Обри, девятнадцать лет. Только что вылетела из университета, и теперь я без пяти минут бездомная. – После того, как я сказала это, мне захотелось стукнуть себя по лбу. Я, определенно, хотела рассказать не это. Кроме того, все не настолько плохо. Я не бездомная, просто не хочу возвращаться в свою старую комнату в Нью-Йорке.

Ной не подал виду, считает ли он мое резюме таким же жалким, как оно выглядит для меня. Просто показал на себя большим пальцем и сказал:

– Я бросил учебу, поджег квартиру и разбил свою последнюю машину в хлам.

Ладно, это... вау. Посмотрим, смогу ли я превзойти его по количеству проблем.

– Я соврала матери, купила старую машину и отказалась от работы, за которую мне обещали очень хорошо заплатить.

– Что это была за работа?

Не уверена, что он ожидает услышать то, что я сейчас ему скажу.

– Мне предложили озвучить аниме-порно.

– Ладно, это... звучит уже интересно, – ухмыляется Ной, и я не могу сдержать улыбку. Он протягивает мне руку. Я пристально смотрю на нее, понимая, что не могу пожать ее. «Это же брат Айви, – говорю я себе, – он ее сводный брат. Айви для меня как сестра, поэтому мне не стоит его бояться». Наконец я протягиваю ему свою руку. Ной крепко, но нежно держит ее, совершенно не сжимая. Он очень осторожен, потому что не хочет испугать меня или бояться, что я снова могу наехать на него. Хотя теперь это будет совершенно неудивительно после моего признания о том, что я бездомная неудачница.

Мой большой палец касается того места на его руке, где встречаются большой и указательные пальцы, а татуированная строка заканчивается словом *always*². Я сглатываю и отдергиваю руку.

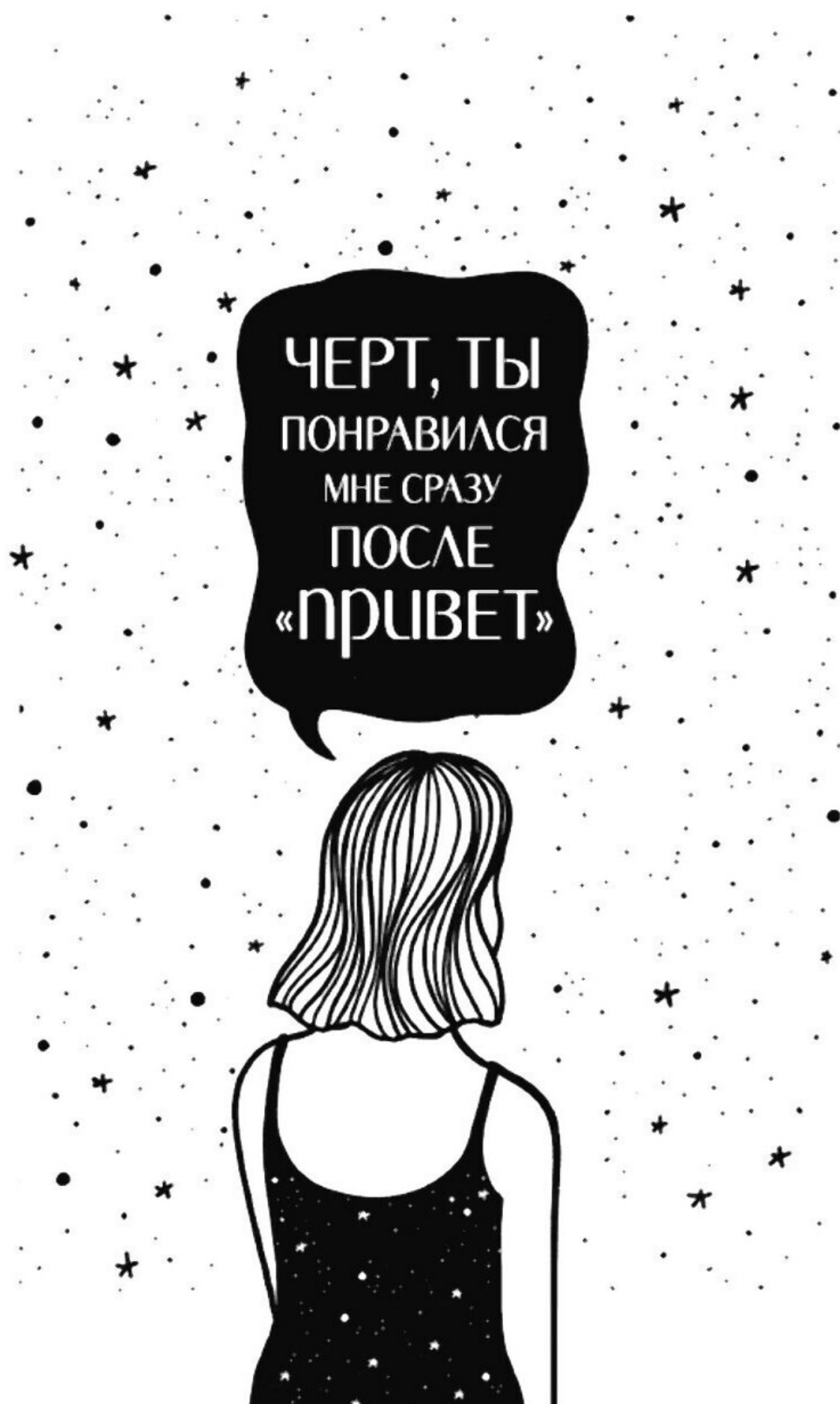
– Привет, Обри.

Этот голос! Боже мой! Он так похож на голос певца Джейми Каллума, с легкой вибрацией, которой обладают далеко не все мужчины. Довольно часто в студии звукозаписи я наблюдала, как мои коллеги пытаются сделать свой голос интимным и сексуальным. Некоторые, репетируя, представляют, что перед ними что-то вкусненькое и тихонько напевают несколько раз подряд: «Мм, это так вкусно». Голос Ноя звучит так же сладко и интимно и вызывает у меня бабочки в животе.

«Привет» – одно лишь слово, а я понимаю, что у меня огромная проблема, размером с мамонта. Если бы мы сейчас были в графической новелле, то над моей головой в облачке с текстом была бы следующая фраза:

Черт. Ты понравился мне сразу после «Привет».

² Всегда.

Глава 3

Ной больше не сопротивлялся и принес ключи, о которых я попросила, после того как поздоровался голосом Джейми Каллума. Оказавшись в квартире Айви, я отмечаю, что она, в отличие от квартиры Ноя, состоит из двух комнат и кухни. Я оставляю у двери коробку, рюкзак и холщовый шопер, беру с собой на кровать только ежедневник и ручки, чтобы сделать набросок и сочинить приветственную фразу на фоне тысячи звезд.

Айви еще раз звонила мне, но я слишком устала, чтобы разговаривать. Написав короткое сообщение в мессенджере: «Ключ у меня. Спасибо. Напишу завтра», – я засыпаю как убитая и сплю восемь часов.

Проснувшись утром, я вижу, что Айви прислала мне еще одно голосовое сообщение. Взяв телефон с собой, я иду на маленькую кухню и включаю воспроизведение сообщения, пока ищу кофе.

– Привет, надеюсь, у тебя все в порядке. Ты была немногословна во время нашего последнего телефонного разговора. Я волнуюсь за тебя. Видела, что ты удалила свою учетную запись в Instagram. Думаю, у тебя были на то веские причины. Что случилось? Почему ты решила уехать из Нью-Йорка? Хочешь, я приеду? Отчиму сейчас не так плохо, так что могу оставить его на несколько часов. Позвони мне, пожалуйста, как можно скорее.

Я замираю с банкой кофе в руках и смотрю на свой телефон. Мне бы очень хотелось поговорить с Айви, но... я не могу. Всякий раз, когда думаю о случившемся, внутри меня включается блок. Кто-то дал мне нокаутирующие капли, какой-то говнюк накачал меня наркотиками и черт знает что делал со мной. Вдобавок ко всему этому по сети сейчас гуляет моя фотография, из-за которой однокурсники считают меня шлюхой, а декан Строут выгнал из университета. То, что произошло на самом деле, ему было совершенно безразлично. Он даже не удосужился выслушать меня и разобраться в ситуации. Единственное, что его волновало, – это то, что он уже во второй раз упрекнул меня за ненадлежащее поведение: в первый раз, когда я практиковалась в укромном уголке за спортивным залом для этого дурацкого аниме-порно, от которого вскоре отказалась, и сейчас из-за этой фотографии. Сложившаяся ситуация чертовски несправедлива, и я ощущаю полную беспомощность.

Все очень плохо, и я не знаю, как справиться со всем случившимся. Знаю лишь то, что не хочу быть жертвой. Именно чувства беспомощности и зависимости поглощают меня, не оставляя места для других, потому что эта чертова фотография все еще мелькает в Instagram и каждый может ее увидеть. А я все еще Обри, та Обри, которую облапал незнакомец.

Я хочу позвонить Айви, но мне становится плохо.

Поспешно ставлю банку с кофе на стол и бегу в ванную. Встав на колени, склоняюсь над унитазом, но тошнота не усиливается и не проходит, она словно застревает внутри. Я думала, что меня вырвет, все способствовало этому, но ничего не вышло. Со слезами ярости на глазах я захопываю крышку унитаза и включаю кран над раковиной. Умываюсь ледяной водой до тех пор, пока рубашка не становится мокрой.

Смотрю в зеркало, вижу свои широко раскрытые глаза и растрепанные каштановые, длинной до плеч, волосы. Волосы, к которым он прикасался. Волосы, с помощью которых возможно доказать, что меня опоили наркотиками. Интересно, я еще похожа на нормальную девушку? Или теперь я одна из тех, кому можно дать снотворное и воспользоваться? Я не знаю.

Делаю глубокий вдох и выдох, жду, когда прекратится дрожь и вернется способность ясно мыслить. Я больше не хочу выглядеть так, как сейчас. Самое главное, чтобы никому в голову не пришла мысль связать меня с моей матерью. Внезапно появляется мысль: я могу это сделать, если перестану походить на себя прежнюю, старую Обри.

Бегу к столу Айви и тщетно роюсь в ящике в поисках ножниц. Не найдя в комнате, ищу на кухне, в ванной за зеркалом, но все, что есть, – это крошечные маникюрные ножнички. Если я попробую ими подстричься, то послезавтра буду выглядеть, как Эдвард Руки-Ножницы. Мне хотелось кричать от отчаяния. Мне нужно что-то, ну хоть что-то сделать, только не бездействовать! Если я сейчас ничего не найду здесь, то сбегаю в ближайший магазин, куплю краску для волос и перекрашусь в блондинку. Только это ничего не изменит, не так ли? Наркотики или какая-то синтетическая дрянь до сих пор внутри моих волос.

Я опускаюсь на колени и открываю шкаф под раковиной. В нем находятся рулоны туалетной бумаги, бутылки с чистящими средствами. Я пытаюсь все это раздвинуть и посмотреть, что в глубине. Внезапно мои пальцы натываются на какой-то кабель. Я дергаю за него, но, кажется, он упал за шкаф. Раздвинув бумагу и чистящие средства в разные стороны, выдвигаю шкаф вперед и снова тяну за кабель. Через секунду у меня в руках оказывается машинка для стрижки волос. Она выглядит очень древней и полностью покрыта пылью, наверное, осталась от прежнего жильца. Я задвигаю шкаф на место и выпрямляюсь.

Поочередно смотрю то на свое отражение в зеркале, то на машинку. Действительно ли надо это сделать? Я то хочу, то снова не хочу. Если сбрую себе волосы, то все точно это заметят, если оставлю все, как есть, то они будут напоминать мне о наркотике, который внутри меня.

Не знаю, сколько времени я просидела в раздумьях, пока резкий звонок в дверь не заставляет меня очнуться. Сердце замирает на секунду, а потом начинает биться, как сумасшедшее. Невидящим взглядом смотрю на машинку, а потом снова на дверь. Кто бы это ни был, я ни за что не открою. Я не хочу никого видеть. Звонят еще раз, и я громко говорю своему отражению в зеркале: «Нет, я не открою! Я Обри, а не жертва. Я хочу оставить все позади и начать все сначала. Я не хочу, чтобы в моих волосах были наркотики». Сразу же после пробуждения, кроме сообщения от Тейлора, я получила еще два с неизвестных номеров, которые обзывали меня последними словами. Скоро я получу новый номер телефона и больше никогда не буду вспоминать о Нью-Йорке.

Дрожащими пальцами вставляю вилку питания в розетку. Жужжание аппарата оказывает успокаивающее, почти гипнотическое действие. Только настойчивый звонок в дверь прерывает его. Кто там такой упрямый? Айви у отчима, а кроме нее и Ноя, никто не знает, что я здесь. Ладно, и этот сумасшедший Кеннесо со своей подружкой Дженной, но они вряд ли будут искать меня в половине девятого, чтобы пригласить на очередное мероприятие NAD-клуба.

Подношу машинку ко лбу. Слезы подступают к глазам, но я крепко сжимаю волосы, решительно прижимая насадку к голове и позволяя ей скользить назад по затылку. Машинка издает странные звуки, словно она уже перегружена. Вслепую ощупываю рукой голову и натываюсь на короткую щетину. Вот как это работает. С дико бьющимся сердцем я открываю глаза и смотрю на свое отражение в зеркале. Я выгляжу... жалко, как перевернутый ирокез, – по бокам длинный, а посередине лысый. «Может, мне все-таки стоит сходить в этот NAD?» – думаю я и начинаю истерически смеяться. Боже мой, это совершенно не смешно.

Я как раз собираюсь провести машинкой второй раз, когда снаружи раздается стук. Что за?... Человек за дверью продолжает громко стучаться. Я слатываю. Что, черт возьми, за срочность?! Выдернув вилку из розетки, толкаю дверь ванной, и в этот же момент за дверью раздается скрежещущий звук, и кто-то вваливается в квартиру через сломанную дверь.

О боже! Какой кошмар, просто ужас! Этот кто-то оказался сводным братом Айви, Ной. Он, споткнувшись о выломанную дверь, смотрит на меня с потрясенным выражением на лице. Я стою перед ним, как зомби, с машинкой для стрижки волос наперевес, как будто это лазерный меч, и с этой дурацкой прической.

– Ни хрена себе, – выдает Ной. И эти слова дают ясно понять, что все происходящее – правда. – Ни хрена себе, – повторяет парень, затем поворачивается и спокойно выходит в коридор, словно это не он вынес дверь. Наклонившись, поднимает бумажный пакет и картон-

ную коробку. Я стою как вкопанная, когда Ной снова входит и пинает дверь, которая захлопывается, а потом тут же распахивается.

– Ты выбил дверь. – Я до сих пор стою в шоке от произошедшего.

– Ты не открывала.

Должно быть, это шутка.

– Я была занята в ванной. Черт возьми, кто ломает дверь только потому, что его игнорируют десять минут? – мое сердце сильно колотится, а в ушах шумит.

Ной пожимает плечами.

– Я... я... – Не могу поверить, что веду этот разговор со сводным братом Айви. Он член ее семьи, но... Боже мой, неужели он настолько склонен к насилию, что готов выломать дверь? Не значит ли это, что он способен на все?

Ной зажал коробку под мышкой и свободной рукой почесал затылок.

– Айви позвонила мне за завтраком и попросила присмотреть за тобой, пока она не придет. Она очень беспокоится о тебе. Сказала, что будет здесь через час, – бросив взгляд на часы, произнес он.

– Поэтому ты решил выбить дверь?

Если бы я сразу позвонила Айви, то смогла бы успокоить ее. Сейчас она оставила отчима одного и едет сюда, и все из-за меня. Какая же я дрянь после всего этого! Мои пальцы судорожно сжимают машинку, я оглядываюсь вокруг в поисках свободного пути для побега. Зачем он сделал это?

– Я звонил. Айви решила, что тебе очень плохо, и попросила тебя провести. Кроме того, вчера вечером ты была какой-то странной. А потом еще эти звуки из квартиры, как будто ты... не знаю, конечности себе отпиливаешь.

Если бы Ной задумал сделать мне больно, то давно бы сделал это и не стал даже беспокоиться о просьбе Айви.

– Я просто хотела подстричь волосы.

– Я вижу.

Ной смотрит не на мою прическу, а прямо в глаза. Зеленый цвет его глаз кажется мне еще более насыщенным, чем вчера вечером. Его рука делает круговое движение над головой.

– Ты... очень храбрый человек, раз решила так себя изуродовать.

Я моргаю от накативших слез. Черт. Я не должна рыдать, не сейчас. Если хоть раз дам слабину, то не смогу остановиться.

– Извини. Черт, прости, мне действительно жаль, Обри. Позволь сформулировать по-другому. У тебя есть чувство юмора? – Ной выглядит очень смущенным. Глубоко вздохнув, он спрашивает: – Как будет выглядеть готовый вариант? Ты думаешь, что твоя жизнь улучшится, если будешь выглядеть, как... как мальчик? – Он выглядит беспомощным.

Я моргаю быстрее, чтобы взять свои чувства под контроль. Точно, думаю, что так будет гораздо лучше, если на меня не будут смотреть, как на девушку или как на жертву.

Ной не ждет моего ответа и спрашивает:

– Мне можно подойти ближе, или ты вырубил меня фирменным ударом ниндзя только потому, что поступил, как полный придурок?

Я замираю. Очень хотелось, чтобы он немедленно исчез, оставив меня наедине с моими страданиями и проклятой машинкой для стрижки волос, но вместо этого я через силу улыбаюсь.

– Придурки снаружи явно безопаснее.

– Ну, я же обещал Айви присмотреть за тобой, а еще я принес пончики и Rice Krispies³ к завтраку. – Ной поднимает пакет, показывает мне картонную коробку под мышкой со знакомым логотипом.

Мне не особо нравятся эти хлопья, но вот пончики люблю, даже очень. Только сейчас понимаю, что я очень голодна, и не помню, когда последний раз ела. Наверное, у меня уже началась гипогликемия, поэтому мне пришла в голову эта дурацкая идея с волосами. Возможно, я бы даже оставила их, если бы Ной с пончиками постучал в мою дверь и пошутил несколькими минутами раньше. А точно бы я изменила свое решение? Нет, определенно нет. Я чувствую себя такой несчастной.

– Я не знаю, что мне дальше делать. Это была ошибка, да? – признаюсь я в своей беспомощности и спрашиваю Ноя, крутя в руках машинку для стрижки волос.

– Ага, есть такое. Наверняка ты чувствуешь себя сейчас очень паршиво. Я знаю, как это бывает. Со мной такое постоянно происходит, но поверь, все пройдет. Правда, с такой прической ты сможешь выйти в лучшем случае только в Хэллоуин, – сказал Ной, выгружая продукты на стол.

– Спасибо за ободряющие слова.

– Не пойми меня неправильно, бывает и хуже. Я имею в виду, что есть такие уроды, которым даже мешок на голове не поможет. Ты же, напротив... – он снова пожимает плечами.

– Если в какой-то момент жизни я решусь прыгнуть с моста и мне нужен будет последний толчок, то теперь я знаю, кому позвонить, большое спасибо. – Он что, правда думал, что эти слова меня успокоят?

– Просто доведи дело до конца, хорошо? – Он проходит мимо меня и широко распахивает дверь ванной.

– Иногда, когда ничего поправить уже невозможно, остается один путь – продолжить и завершить начатое. Так что давай, может, будешь лучше выглядеть.

– Ты это серьезно?

– Конечно. А что ты будешь с этим делать? Зачесывать волосы с другой стороны? Представляешь, как это будет глупо выглядеть?

В общем, он, конечно, прав. Я шагаю мимо него в ванную и закрываю дверь.

– Я заварю кофе, – приглушенно раздается голос Ноя за дверью.

Я опираюсь на раковину, медленно и глубоко дышу, стараюсь успокоиться. У меня действительно нет другого выбора, кроме как сбрить все до конца. Ной прав: в таком виде мне никуда не выйти. Если бы я начала брить сбоку, то тогда бы получился undercut⁴, а теперь ничего не выйдет. Я считаю до трех, снова подключаю прибор к сети и включаю его.

Просто сделай это, Обри!

Без дальнейших раздумий начинаю сбривать с головы следующую полоску волос, хотя внутри меня все воет от боли и обиды. Оказывается, это не так легко сделать. Длинные волосы запутываются в насадке, а машинка возмущенно гудит. Мне приходится несколько раз проходить по одному и тому же месту, чтобы сбрить все, но, кажется, затылок выглядит просто ужасно. В течение следующих нескольких минут я мучаюсь, пока не признаю, что не могу справиться с этим самостоятельно. С оставшимися прядями волос я еще больше похожа на зомби, чем раньше.

Как мне хотелось, чтобы Айви была сейчас здесь. Несмотря на то, что мне неудобно просить приехать ее от болеющего отчима, я очень рада, что она скоро будет тут.

Слышу, как Ной возится на кухне, потом его неуверенные шаги затихают возле ванной.

– С тобой все в порядке?

³ Рисовые хлопья.

⁴ Женская стрижка с выбритыми висками и затылком, волосы на макушке остаются длинными.

– Да. Думаю, что да, но, Ной, я...

Боже мой, я не могу просить его об этом. Мы же практически не знаем друг друга. Вдох-выдох, стараюсь оценить свои возможности. Мне надо было просто дождаться Айви. Или... черт!

– Я... мне нужна помощь.

– От меня? – судя по его голосу, он ошарашен этой просьбой.

– Нет, от какого-нибудь другого Ноя, – закатываю я глаза.

Он распахивает дверь и очень осторожно выглядывает из-за нее. Если бы ситуация не была такой ужасной, то я бы рассмеялась.

– Я не везде могу достать, да и руки уже устали. Лезвия машинки тупые, их, наверное, уже целую вечность не смазывали, а я... Можешь попробовать? – я умру от стыда, если он продолжит так смотреть на меня.

– Ты хочешь, чтобы я побрил тебе голову?

Этот встречный вопрос вызывает у меня ужас. Честно говоря, никогда в жизни не думала, что кто-то когда-нибудь спросит меня о подобном. Мне и так тяжело просить его, так что мог бы не принимать столь драматичный вид. В конце концов, это моя голова, не надо крутиться вокруг да около.

– Черт возьми, еще ни одна женщина не требовала от меня ничего подобного, только не побрить ее волосы. Это как-то... блин.

Ла-ла-ла-ла... Мне совершенно неинтересно знать, о чем его просили другие. Я со стоном сую ему в руку машинку, поддвигаю табуретку, предварительно убрав стоящую на ней коробку, и сажусь, чтобы облегчить ему задачу.

Он вздыхает и говорит: «Ладно, я справлюсь». Затем включает машинку и встает позади меня.

Хоть я и сама попросила Ноя именно об этом, неожиданно вздрагиваю, когда он проводит машинкой по волосам первый раз. «Он сводный брат Айви, – повторяю я себе снова и снова. – Ной милый, может быть, немного сумасшедший, но совершенно безобидный. Мне не стоит его бояться. Он беспокоится и хочет помочь мне. Кроме того, он знает, что Айви скоро приедет. Мы недолго будем одни. Его прикосновения и руки не похожи на те, с фотографии. Эти руки, которые... которые...»

Тут кончики его пальцев касаются моего затылка. Прежде чем успеваю осознать происходящее, я вскакиваю. Защищаясь, я поднимаю руки вверх и отступаю назад, прижавшись спиной к холодной плитке на стене.

– Просто, я... я, кажется, не могу, не получается.

Ной останавливается и задумчиво смотрит на меня, затем хмурится. Машинка гудит, и мне хочется, чтобы он отключил ее.

– Спасибо, что попробовал, – быстро произношу я.

Ной не убирает машинку из рук. Он продолжает хмуриться, а затем успокаивающе показывает открытую ладонь.

– Может, будет лучше, если я открою дверь, что думаешь? Здесь чертовски душно. – После этих слов Ной распахивает дверь ванной, и я сразу же понимаю, что мне становится легче дышать. Это безумие какое-то, откуда он знает, что у меня клаустрофобия?

– Садись лучше лицом к выходу, так ты сможешь видеть улицу, и тебе будет легче. – Он отодвигается в сторону, чтобы я могла пройти мимо него в узкой ванной, не коснувшись. Боже мой, неужели настолько заметно, что я встревожена? Ладно, это глупый вопрос. Я только что сбрила волосы, ясно, что у меня не все в порядке.

Я закусываю нижнюю губу, расправляю плечи и снова сажусь на табуретку. Мое тело напрягается так, словно я жду, что Ной вот-вот заколет меня самурайским мечом. Все мои чувства сосредоточены на его действиях. Я слышу, как он медленно приближается, толкает меня

в спину коленом, потом быстро убирает его, бормоча извинения. Ной касается моей головы сначала пластмассовой ручкой машинки, чтобы я привыкла. Когда же машинка начинает движение лезвием по голове, я сжимаюсь в комок. Остатки волос соскальзывают с плеч. Теперь машинка лишь тихо жужжит, потому что большая часть волос уже сбрита. Я опираюсь обеими руками на табуретку. Так я могу быстро оттолкнуться и убежать, если это будет необходимо, но этого не требуется. Движения Ноя неторопливы, спокойны, и это спокойствие постепенно передается мне. Медленно и с легким нажимом он аккуратно сбривает волосы по всей голове. Когда он подходит, то просит меня наклонить голову вперед. Я делаю, как он говорит, и смотрю вниз, на колени.

– Мне нужно встать впереди тебя, а то не видно. Не возражаешь?

– Нет, – внутренний голос, наоборот, кричит: «Да»!

Пояс его джинсов задевает мое правое плечо, когда он протискивается мимо. Теперь Ной стоит прямо передо мной, и, черт возьми, у меня начинается паника. Он занял место как раз между дверью и мной. Я сосредотачиваюсь и стараюсь дышать медленно и глубоко, чтобы перестать паниковать, но живот и промежность Ноя находятся в непосредственной близости от моего лица. Я пересчитываю пуговицы на его джинсах. Целых четыре штуки.

– Мне нужно убрать волосы за ухом, я отодвину его, хорошо?

Я сглатываю.

– Хорошо, – задохнувшись, произношу я.

Ной медленно поднимает левую руку, прикладывает два пальца к моей голове, чтобы наклонить ее в сторону, затем аккуратно отгибает ухо.

Мои пальцы сжимаются вокруг сиденья, и я задерживаю дыхание, потому что ему нужно сделать несколько заходов, чтобы убрать все волосы.

Каждый раз, когда он поднимает руку, чтобы перенести машинку, его футболка скользит вверх, и я вижу татуированную кожу над поясом брюк. Пытаюсь расшифровать написанное, но местами все очень нечеткое, поэтому получается прочитать только несколько слов.

...*my misspoken words*⁵, читаю я, судорожно соображая, это ли не строчка из песни группы BANKS. Мне бы хотелось увидеть и остальную часть только для того, чтобы убедиться, права я или нет. К сожалению, больше ничего не видно. Когда Ной наклоняет мою голову в другую сторону, я вижу его предплечье, изображенные на нем деревья и зеленоватые жилки, просвечивающие через кожу.

– Думаю, что готово, – произносит он и наконец выключает машинку, – посмотри в зеркало. – Ной отступает, а я выпрямляюсь перед зеркалом.

Странно видеть себя такой, но надо отдать должное: Ной постарался, и теперь моя голова выглядит не так ужасно. Круглая голова гармонирует с пухлыми губами. Если я думала, что с короткой стрижкой буду похожа на мальчика, то это было самое большое заблуждение. Я вообще не похожа на парня. Мои темные глаза кажутся огромными, и теперь ничто не может отвлечь внимания от них.

– Кажется, что все твое лицо состоит из одних глаз, – говорит Ной. Он стоит сбоку от меня, и я могу видеть его в зеркале. Он не улыбается, но есть что-то мягкое в выражении его лица.

– Все хорошо, или...? – спрашиваю я его.

– Да, все в порядке.

Его взгляд скользит по моему лицу, а потом по затылку.

– У тебя родимое пятно.

Непроизвольно хватаюсь за щеку.

– Да, знаю. Его сложно проглядеть.

⁵ Мои невысказанные слова.

– Я имел в виду здесь, на затылке. Ты не увидишь его в зеркале. Вот, оно здесь. – Кончиком пальца он касается места недалеко от моего правого уха, но потом быстро убирает его. – Извини. Может, тебе стоит принять душ, чтобы избавиться от всех состриженных волос. Они прилипают к футболке, особенно на воротник из-за того, что он мокрый.

– Спасибо. Ты спас меня, – улыбаюсь я ему в зеркале.

Ной хочет сказать мне что-то приятное, я вижу, как уголки его рта поднимаются вверх. Вдруг его взгляд темнеет, а губы вытягиваются в узкую линию.

– Не за что. Если тебе еще понадобится кто-то, кто поддержит тебя в глупых идеях или выломает ради тебя дверь, разрушив квартиру... – Он не договаривает фразу и выходит из ванной.

Не знаю, почему он так пренебрежительно отреагировал на мою благодарность. Может быть, это было чересчур для него? Конечно, общение с девушкой, находящейся на грани нервного срыва, не приносит особого удовольствия. Мне очень жаль, что Айви приставила его ко мне и что теперь он чувствует себя обязанным следить за мной. Если Ной будет еще в квартире после того, как я приму душ, то обязательно скажу, что он не должен беспокоиться обо мне.

Я с облегчением вздыхаю, потому что теперь могу выходить на улицу без мешка на голове. Заперев дверь в ванную, я подметаю пол, выкидываю сбритые волосы в мусорное ведро. Осторожно выскользнув из одежды, я залезаю в тесную душевую кабинку и открываю кран. Вода быстро нагревается. Я смываю волосы, которые действительно торчат повсюду. Наблюдаю за тем, как последние из них скрываются в сливе, а вместе с ними и наркотики, которые попали внутрь. Только теперь, впервые за несколько дней, я чувствую себя чистой.

Глава 4

Голос Айви доносится через кухонную дверь, когда я выхожу из ванной. Обмотавшись полотенцем, я спешу в коридор, чтобы достать из рюкзака чистую одежду и быстро одеваюсь.

– Привет, – говорю я, заходя на кухню, надеясь, что Ной предупредил Айви о моей смене имиджа и она не упадет в обморок, когда увидит мою прическу. – Тебе действительно не стоило приезжать так скоро. С отчимом точно все в порядке? Прости, что не перезвонила. – Айви замирает, увидев меня.

– Твою же мать! – вырывается у нее.

Ладно, похоже, Ной ее все-таки не предупредил. Он тоже здесь, стоит, опираясь на кухонную стойку руками. Увидев изумленное выражение лица своей сестры, начинает улыбаться. Бьюсь об заклад, он намеренно не сказал ей об этом.

– Что... о боже, зачем ты это сделала? – Айви обнимает меня. В ее объятиях я чувствую себя как дома, но продолжаю сдерживать эмоции, потому что сейчас не время показывать их. Пока у меня еще есть силы стоять с прямой спиной.

– Я... у меня...

– Обри протренировала меня. – Ной стоит напротив меня, но не смотрит Айви в глаза. Вместо этого он подносит чашку ко рту и делает глоток кофе.

Я, наверное, выгляжу довольно глупо, удивленно уставившись на него. Не понимаю, зачем Ной говорит это. Он ведь даже не знает, что произошло и почему я сбрила волосы. Наверное, хочет помочь мне, чтобы я не раскрывала истинной причины своего поступка. А может, я неправильно все интерпретирую и он просто хочет досадить своей сводной сестре?

– Всего за час, который ты провел с моей лучшей подругой, ты заставил ее сбрить волосы? Ты это хочешь мне сказать? – удивилась Айви.

– Ной ничего не...

– У меня же настоящий талант разрушать собственную жизнь, а также жизни других людей, – прервал он мое робкое возражение. Его ухмылка выражает неуловимую смесь провокации и боли. – Ты же знаешь, дай мне пять минут и... – он поднимает кулак и разгибает пальцы, имитируя взрыв.

Айви крепко стискивает зубы. У меня такое чувство, будто она действительно сердится на него, только причина недовольства не имеет ко мне никакого отношения. Взгляд, которым Айви смотрит на сводного брата, явно говорит о том, что между ними что-то произошло. То, о чем она мне пока не рассказала и что осталось нерешенным для них.

– Детский сад какой-то. О чем был спор? – спрашивает Айви.

Вот же, блин. Мне ничего не приходит в голову. Айви переводит пристальный взгляд с Ноя на меня. О чем? О чем же был спор, черт возьми?

– О NBA⁶. Мы разговаривали о лучших бомбардирах, и Обри утверждала, что Дирк Новицки из Польши, хотя он немец, – неожиданно произносит Ной.

Айви вытаращила глаза.

– Ты сбрила волосы из-за Дирка Новицки?

Становится жарко. Несмотря на то, что вопрос адресован мне, Ной равнодушно бросает:

– Ну и что? Это был спор, и я рад, что победил. Если бы проиграл я, то выглядел бы еще ужаснее. У меня же шрам на затылке, пришлось бы потом всем объяснять, откуда он.

Айви сердито сдувает челку со лба, потом, повернувшись ко мне, неуверенно поднимает руки.

– Это... Ничего себе! Можно, я прикоснусь к твоей голове? Выглядит круто.

⁶ Национальная баскетбольная ассоциация.

Я согласно киваю. Айви кладет мне обе руки на лоб и проводит ими по голове, потом наклоняется и целует меня в висок.

– Если кому-то и идет такая стрижка, то только тебе. Ты выглядишь как знаменитость, которая, прячась за солнечными очками, заскочила в Starbucks выпить кофе. Ты как будто Натали Портман, получившая роль в фильме «V – значит вендетта».

Несмотря на то, что Айви шутит, я замечаю, как она напряжена. Кажется, у нее море вопросов, которые она так и хочет задать мне. Сегодня я определенно быстро не отделаюсь от своей лучшей подруги. Уж она постарается выяснить все. Я сглатываю не только из-за скорого вопроса, но и из-за сравнения с Натали Портман. Именно этого я так хотела избежать. Никто не должен связывать меня с кинобизнесом и, главное, с мамой.

– Черт, нам надо было сделать фотографии до, была бы просто суперская история, – говорит Ной и достает свой телефон. Разблокировав его, он поднимает смартфон. – Улыбочку.

– Нет! – в панике кричу я и, рефлексивно закрыв руками лицо, отворачиваюсь.

– Ни в коем случае! Забудь об этом! – быстро произносит Айви и встает передо мной, чтобы защитить.

– Ладно, успокойтесь. Я не сфотографировал.

Я все еще держу руки перед лицом и с трудом подавляю дрожь. Когда поворачиваюсь к Айви, то вижу, как Ной убирает свой телефон. Только теперь я опускаю руки и обхватываю сама себя. Внезапно мне становится очень холодно.

Ной внимательно смотрит на меня.

– В любом случае это было бы просто захватывающее фото, – бормочет брат Айви. Он со вздохом отталкивается от шкафа и убирает телефон обратно в карман джинсов. – Я посмотрю дверь, может, ее еще можно спасти. – Он осторожно протискивается возле меня и выходит из кухни.

Айви наливает кофе в две чашки и протягивает одну мне.

– Я люблю Ноя, честно, но порой он такой идиот. Я даже подумать не могла, что он так все испортит! Я имею в виду, что он выбьет дверь, – качая головой, говорит Айви.

В крошечной кухне нет места даже для стола, но сейчас, когда ее брат вышел, она кажется мне намного больше.

– Он просто хотел помочь мне. Не знаю, что ты сказала ему, но он, кажется, боялся, что я что-нибудь выкину. Или Ной боялся, что ты сделаешь с ним, если узнаешь, что он не заботится обо мне. – Моя улыбка превращается в гримасу.

– Он не такой уж и плохой. – Взгляд Айви становится серьезным. – А теперь расскажи мне, что с тобой происходит. Ты никогда в жизни не стала бы спорить с Ноем. Я прекрасно помню, как ты называла Дирка Новицки «немцем», сама слышала, значит, Ной соврал... – она ставит свою чашку и с жалостью смотрит на меня. – Я не смогла связаться с Дженнифер, но мне удалось поговорить по телефону с Тейлором. Он сказал, что Стоут выгнал тебя. Это правда?

В этот же миг слезы застилают глаза. Прежде чем я успеваю что-то сказать, Айви издает стон, обнимает меня и крепко держит, пока я рыдаю у нее на плече, надеясь, что Ной не зайдет и никогда не узнает об этом.

– Он вынес мне второе предупреждение и выгнал, – говорю я сквозь рыдания.

– Почему? Я ничего не понимаю. Тейлор утверждал, что не знает, что произошло, но он как-то очень странно разговаривал по телефону. Так что все-таки произошло? – Айви медленно гладит меня по спине, но это не успокаивает, я чувствую себя еще хуже, потому что не могу, да и не хочу рассказывать ей обо всей этой истории с фотографией. Я чувствую себя виноватой и беспомощной одновременно.

Но это же Айви, моя лучшая подруга! У нас никогда не было секретов друг от друга, по крайней мере каких-то важных. Я с легкостью могу доверить ей свою жизнь. За последние годы мы многое пережили вместе, делили все на двоих и стали ближе, чем сестры. Со своей

младшей сестрой Мэй, из-за разницы в возрасте, я никогда не смогу вести подобные разговоры и обсуждать то, что могу с Айви. Кроме всего прочего, я люблю свою лучшую подругу.

Я пытаюсь собраться с силами и сосредотачиваюсь на ее таком родном голосе, движении руки, которая гладит меня по спине. Потом я вырываюсь и начинаю рассказывать.

– Пару дней назад... на вечеринке со мной кое-что произошло, Айви.

Я замечаю, как она напрягается. Наверное, она боится услышать это, так же как и я боюсь рассказывать.

– Кто-то сфотографировал меня.

– Что за фото? О боже, Обри, пожалуйста, скажи мне, что это не то, что я думаю. Кто-то... О боже, кто-то причинил тебе боль? – выдавливая Айви из себя вопрос.

– Нет, – говорю я поспешно, – никто не причинил мне вреда. Со мной вообще-то все в порядке. – Зачем я говорю это? Я совершенно не в порядке! – У кого-то... у меня есть... – черт, почему это так сложно? – Кто-то сделал фотографию, на которой я полуголая, и загрузил ее в Instagram.

Несколько секунд можно было слышать только тихое дыхание Айви.

– Нет, нет, этого не может быть, – повторяет она снова и снова.

Айви прижимается своим лицом к моей шее. Ей явно стоит немалых усилий, чтобы сдерживать свои чувства.

– И ты утверждаешь, что все в порядке? Ты бы никогда... Кто сделал это с тобой? Как это произошло? Я думала, что ты была на той вечеринке с Дженнифер, – подняв голову, говорит моя лучшая подруга, смотря мне прямо в глаза.

– Да, была. – Мои мысли разбегаются. Если я скажу, что меня еще и накачали наркотиками, то она будет в полном шоке. Айви гарантированно не оставит меня в покое, потому что я поступила бы точно так же, если бы с ней произошло что-то подобное, и старалась защитить ее всеми возможными средствами. Я обязательно сделала бы все, чтобы наказать этого кретина. Главное, чтобы он не делал ничего подобного и никто больше не пострадал. Но если она заставит меня пойти в полицию, то об этом узнает моя мама, а потом и пресса. Представляю, что раздуют из этого СМИ! Все будут смотреть на меня, как на жертву. Если шлюхой меня считали пока только в колледже, то потом такого мнения будут придерживаться все. Когда мама узнает об этом, будет упрекать себя в том, что недостаточно защищает меня и ее работа делает ее дочерей уязвимыми. Мама всегда делала все, чтобы мы росли спокойно. В нашем доме никогда не было роскоши, я подрабатывала, чтобы заработать карманные деньги. Она никогда не позволяла СМИ публиковать наши с Мэй фотографии, судясь с каждым папарацци до победного конца. Теперь этот снимок может все изменить.

Возникшие сплетни могут разрушить нашу дружную семью. Одна моя фотография может повредить маме, Мэй. Их начнут обсуждать, издеваться, и это будет гораздо хуже, чем если все на свете узнают, что это я на снимке с каким-то придурком.

То, как осуждают женщин в подобных ситуациях, не зависит от того, виноваты они или нет. СМИ будет анализировать каждую деталь: что было на мне надето в тот вечер, как я танцевала, со сколькими мужчинами встречалась раньше. В конце концов, они заявят, что я сама во всем виновата, потому что на мне была короткая юбка, я вызывающе танцевала и должна была ожидать такой реакции, тем более на вечеринке. В любом случае во всем случившемся буду виновата я и меня будут называть жертвой. Я не хочу быть жертвой, даже Айви не должна видеть меня такой. Мне не нужна жалость, я хочу спокойного будущего. Как сказал Ной:

Иногда ничего не остается, кроме как продолжать жить.

Надо нарисовать эту фразу в ежедневнике, чтобы не забыть ее.

– Я слишком много выпила на вечеринке и потеряла Дженнифер из виду, и контроль тоже. Я просто потеряла контроль, – я стараюсь не смотреть Айви в глаза. Мой голос звучит слишком монотонно. Обычно таким голосом я пользуюсь на курсах по озвучке, когда нужно

показать, что герой врет. Правда, в моем рассказе не все ложь. Я ведь не знаю точно, подсыпали мне что-то или нет, пока это всего лишь предположения врача и мои. Хотя даже если я и переборщила с алкоголем, то не было взаимного согласия между двумя взрослыми людьми. Подумав об этом, я почувствовала, что мне становится плохо. Автоматически отодвигаю от себя пакет с пончиками, лежащий на кухонной стойке.

– Но это преступление, Обри! Кто бы ни сфотографировал тебя, он нарушил закон. Неважно, был алкоголь или нет, ты не сама себя сфотографировала и опубликовала в интернете.

– Но я не знаю, кто воспользовался моим состоянием, раздел и сделал это фото. Я не знаю, кто это был, ясно? – От злости и безысходности во всей этой ситуации на моих глазах опять наворачиваются слезы. Айви сразу замечает это и, сжав губы, молча берет меня за руку.

– Мне так жаль, Обри, очень жаль, что меня не было рядом с тобой. Что ты теперь собираешься делать?

ИНОГДА
ничего
НЕ ОСТАЕТСЯ
кроме как
ПРОДОЛЖАТЬ
жизнь

– Больше всего на свете я не хочу туда возвращаться!!!

Мне хочется остаться здесь, с ней, и забыть все остальное, как страшный сон, чтобы не было так больно, но это, к сожалению, не решит ситуацию, не поможет.

– Есть шансы выяснить, кто выложил фотографию? Технически это должно быть возможным. Что сказала твоя мама?

Я отворачиваюсь в сторону, уклоняясь от взгляда подруги.

– Я еще не разговаривала с ней. Пожалуйста, не говори ей об этом. Она начнет упрекать себя во всем, что произошло.

– Но у нее наверняка есть адвокат, который может посоветовать нам, что делать. Тебе стоит поговорить с ней. Я понимаю, что тебе тяжело. Мы можем поговорить с ней вместе, если хочешь. Все это настолько ужасно и отвратительно, но твоя мама наверняка позаботится о том, чтобы эта фотография исчезла навсегда.

– Она уже удалена.

– Но кто-то мог ее скачать или сделать скриншот. Мы должны предотвратить появление этой фотографии где-нибудь еще. И надо привлечь этого козла к ответственности.

– Ты права, но... Из-за моей мамы... я должна подумать. Я не могу пока это сделать, Айви. Мне нужно время, пожалуйста, не хочу говорить об этом больше.

На мгновение показалось, что Айви хочет возразить мне. Она беззвучно открывает и закрывает рот. Громко выдохнув, она начинает спрашивать меня дальше.

– Хорошо. Но что ты собираешься делать сейчас? Ты не хочешь что-то решать с этим предупреждением? Стоит не мог вышвырнуть тебя просто так, ты не сделала ничего плохого.

– К сожалению, может, ведь это был не единственный мой проступок, – я напоминаю ей о фиаско с аниме-порно и строю гримасу. – Не возражаешь, если я какое-то время буду действовать тебе на нервы?

– Ты не действуешь мне на нервы, и я буду только рада, если ты останешься у меня, – бросает Айви на меня рассерженный взгляд.

– Но если приедет Ашер навестить тебя...

– Ну и что, не имеет значения. В любом случае Ашер большую часть времени находится сейчас в Манчестере или на острове. Теперь, когда его отец вернулся из реабилитационного центра, он старается ездить домой чаще, – перебила она меня.

– Как дела у твоего отца? – Я знаю, что у семьи Айви есть дом на частном острове в Портсмуте, а ее отчиму сделали операцию по удалению опухоли мозга всего несколько недель назад. В семье есть свои трудности. Мама Айви раньше была замужем за отцом Ашера. Для Ричарда Блейкли это было шоком, когда он узнал, что его старший сын влюбился в его падчерицу. С Ноем у него уже много лет были сложные отношения.

– Вы планируете пройти семейную терапию?

– Да, но позже, когда отцу станет лучше. Сейчас он старается вернуться к обычной жизни. Иногда бывает такое, что он теряет ориентацию и возникают провалы в памяти. Ему просто нужно еще немного времени для восстановления.

– Мне очень жаль.

– Его лечащий врач сказал, что скоро станет лучше. Временами он нетерпелив, хочет скорее вернуться к прежнему образу жизни. Думаю, что эта семейная терапия будет полезной и для него. Только Ной категорически против. После того как он поступил в университет, я думала, их отношения наладятся, но вместо того, чтобы приехать к отцу, он обрывает все попытки общения. Я не знаю, что между ними произошло, но ему, кажется, совершенно плевать на то, что происходит с отцом.

– Поэтому ты злишься на него?

– Нет, я совершенно не злюсь на Ноя.

– Надеюсь, что ты никогда не будешь злиться на меня так, как сейчас на него, – улыбаюсь я.

Айви прячет усмешку за своей чашкой, но она быстро исчезает.

– Ты в любом случае остаешься здесь. Я схожу в магазин, заполню холодильник разной едой, и тебе вообще не придется выходить лишний раз на улицу. Позже мы можем посмотреть «Век Адалин». Диван в гостиной остался мне от прошлого арендатора, и он, к сожалению, ужасно неудобный, поэтому мы купим тебе новую кровать.

– Мне не нужна новая кровать. Старый, ужасно неудобный диван – это то, что мне сейчас нужно. Я не хочу, чтобы ты бросала своего отчима из-за меня.

– Я не могу сейчас оставить тебя здесь одну.

Я крепко обнимаю ее.

– Спасибо, но, знаешь, мне необходимо побыть несколько дней в полном одиночестве. Честно. Мне надо все как следует обдумать.

Я замечаю, что Айви не нравится мое предложение, но она молчит, потому что возвращается ее сводный брат. Ной смотрит мне в лицо несколько секунд, потом протискивается мимо нас и быстро хватает пакет с пончиками.

– Эта чертова дверь. Надеюсь, вы оставили мне что-нибудь?

– Кстати, что насчет двери? Ее можно починить? – спрашивает Айви.

– Нам нужно сообщить об этом администрации. Замок совершенно дрянной, ничего не удалось починить. – Он снова прислоняется к разделочному столу.

– У меня в запасе была старая задвижка, которую я временно прикрутил, так что дверь теперь можно закрыть только изнутри. – Он выпрямляется и жестом просит нас следовать за ним, продолжая при этом есть пончик.

– Паршиво, – сказала Айви, когда мы увидели временный замок на двери. – Обри не может спокойно спать здесь, только с этой крошечной задвижкой на дверях.

– Это железо. Никто не зайдет в квартиру, если только случайно не захватит с собой ножовку. – Он запихивает себе в рот последний кусочек пончика и вытирает пальцы о джинсы.

Мне становится тошно после того, как я внимательно осмотрела прикрученную Ноем задвижку. Да, Ноем удалось запереть дверь на маленький замок, но он не вызывал у меня никакого доверия. И вообще, что я буду делать, если мне потребуется уйти? Прикасаюсь пальцами к дверному проему. Замок и правда держится, но при небольшом надавливании возникает зазор между дверью и косяком, через который, если изловчиться, можно просунуть инструмент.

– Разве не достаточно обычного болта, чтобы вскрыть замок? – спрашиваю я.

Ной задумчиво чешет затылок, а потом засовывает руки в карманы брюк.

– Кто вообще должен сюда забраться? Это все-таки Kings Hall, а не одно из захудалых общежитий. К тому же сейчас намного безопаснее, чем было раньше. Сейчас стало намного сложнее просто взять и взломать кому-то двери.

Айви нерешительно топчется у входа в квартиру.

– Я бы не сомкнула ночью глаз с этой штукой. Конечно, может, это и безопаснее, чем старый замок, но лучше посмотреть. Обри, ты действительно хочешь спать здесь? Ты не сможешь даже оставить свои вещи, когда выйдешь из квартиры. Может, поедешь со мной на остров? На данный момент это самый лучший вариант. Ричард не будет против твоего приезда.

И свалиться незнакомому больному человеку на голову? Я хмурюсь.

– Я принесу еще один замок, внешний, – быстро говорит Ной.

Не знаю, станет ли мне от этого легче. Очень жаль, что у Ноя возникли неприятности с сестрой из-за меня. Он просто беспокоился, а теперь ему приходится чинить эту дурацкую дверь. Возможно, он слишком остро отреагировал на то, что я игнорировала его стук. Я кашляю, привлекая внимание.

– Ничего, пойдет. Это же ненадолго, не так ли? – Мой смех после фразы звучит глухо и неуверенно – очередная ложь, которую я не могу скрыть. Мысль о том, что придется спать тут, с крошечным навесным замком на дверях, вызывает у меня комок в горле, но я стараюсь не думать об этом. Никто не знает, что я здесь. Никто не явится ко мне без предупреждения. Мало вероятности в том, что кто-то попытается проникнуть сюда силой. Никто и никогда больше не прикоснется ко мне, если я этого не захочу. Никто...

Не могу избавиться от этих навязчивых мыслей.

Я сглатываю, стараясь подавить зарождающуюся внутри меня панику. Всего несколько ночей, пока администрация не пришлет кого-нибудь починить замок, убеждаю я себя. Я переживу это. Я должна. Незаметно обхватываю себя руками, чтобы согреться, и ловлю на себе взгляд Ноя, который, по всей видимости, наблюдал за мной все это время.

– Блин, – говорит он, явно обдумывая какую-то мысль. – Да черт с ним, мы просто поменяемся местами: ты поспишь в моей квартире, пока здесь не установят новый замок.

Глава 5

– Ты уверен, что это не будет проблемой, если я переночую у тебя? – Дверь Ноя распахнута настежь. Я стараюсь не показывать, что мне неудобно оставаться с ним наедине. Он специально оставил дверь открытой и держится от меня на расстоянии не менее трех футов.

– Нет, – отвечает он, убеждаясь, что мой вопрос обращен к нему.

– Значит, все-таки мое присутствие – проблема? – Черт, я так и знала. От меня у него лишь неприятности, а я просто хочу отдохнуть, поспать, забыть обо всем и постараться не сломаться.

Он ставит стопку книг, которую только что достал с полки, в корзину для белья и поворачивается ко мне.

– С тобой, похоже, всегда куча проблем, но комната здесь ни при чем. – Дальше он идет к своему шкафу и вытаскивает оттуда джинсы и пару чистых футболок. Нижнее белье летит в корзину, следом за ним носки и несколько проводов.

Мы провели утро вместе с Айви. Она позвонила в домоуправление, но не смогла договориться о времени, когда придет слесарь, чтобы установить новый замок. Айви посчитала, что это неправильно – оставлять меня одну, но мне удалось убедить лучшую подругу, что мы с ее братом поладим и я буду счастлива, если не придется ни с кем разговаривать в течение нескольких дней. Как только она уехала на остров, Ной перебрался в ее квартиру в рекордно короткие сроки. Я пыталась убедить его, что не против поспать несколько дней со сломанным дверным замком, хоть это и была ложь, но он даже не обсуждал со мной этот вопрос.

– Я не буду ничего трогать, не переживай, даже не буду пользоваться твоим письменным столом, – говорю я.

– Не забудь про кровать. Я ожидаю, что ты будешь парить над матрасом, выше хотя бы на метр. Обри! Ты чего? Это всего лишь комната, не раздувай из этого проблему. И, кстати, моя кровать очень удобная. Я выкинул старую сразу же после переезда сюда, потому что на ней спали, наверное, сотни людей... – Ной проводит рукой по волосам и, замерев, начинает что-то неразборчиво бормотать, затем продолжает: – Моя кровать – это лучшее, что тебя ждет сейчас, после нее тебе не захочется спать на чем-нибудь другом.

– Определенно.

Я поспешно отворачиваюсь к стене, потому что мои щеки начинают быстро краснеть. Только сейчас замечаю, что у меня больше нет волос, в которые раньше можно было спрятаться. Черт возьми, как же непрактично!

– Что это такое? – Я держу в руках странную синюю меховую штуку, которая лежит рядом с подушкой Ноя. Она мягкая, пушистая, с болтающимися конечностями и двумя глазами.

– Гровер⁷. Я даже не знал, что он все еще у меня.

Конечно, именно поэтому он положил его в свою кровать.

– Хочешь взять его с собой?

– Разве я выгляжу так, словно мне для сна нужна мягкая игрушка? – На лбу Ноя образовались морщинки, а глаза стали темнее болотной ряски. В одной руке он держит телефон, а в другой – джойстик PlayStation. Руки напряжены, четко видны татуировки, а под рубашкой хорошо заметны его мышцы. Я судорожно сглатываю. Нет, черт подери, он не выглядит тем, кому нужен Гровер, чтобы уснуть.

После моего следующего вопроса Ной, скорее всего, сочтет меня полностью спятившей. Хотя думаю, что он давно придерживается этого мнения.

⁷ Персонаж детского телешоу «Улица Сезам».

– Тогда можно я возьму его себе? – Мои руки автоматически обнимают долговязое тело игрушки, прижимая ее к животу. Несмотря на заметные потертости на мехе Гровера, я чувствую себя на седьмом небе от счастья. Он напоминает мне о детстве, невинности и сестренке Мэй. У нее, правда, никогда не было Гровера, но раньше она была счастливой обладательницей другой мягкой игрушки с улицы Сезам. Мэй плакала несколько дней после того, как мама выбросила ее любимую игрушку, потому что ее уже нельзя было починить и набивка рассыпалась по всему дому. Новая игрушка не смогла утешить сестру. Мама потом очень сильно сожалела, что поступила так опрометчиво.

– Последний раз я стирал его, наверное, года два назад, если тебя это интересует, – усмехнулся Ной.

– Мне все равно. – И это чистая правда. Сейчас для меня нет ничего лучше, чем просто лежать в постели со старенькой мягкой игрушкой в руках.

– А что у тебя там? – Ной кивает на коробку, в которой я привезла аппаратуру. Кладу Гровера обратно на кровать и отвечаю парню:

– Там микрофон, усилитель и все, что мне нужно для работы.

Было нужно для работы, – поправляю я себя.

Раскрыв коробку, я даю возможность Ною заглянуть внутрь.

– Иногда мне приходится отправлять демо клиентам, и оборудование позволяет записывать их, не прибегая к услугам студии звукозаписи.

Ной быстро вытаскивает пластиковую коробочку с микрофоном и раскрывает ее.

– Возможно, это не самая лучшая звукозаписывающая техника, но она идеально подходит для моих целей. – Ной достает из ящика микрофон и взвешивает его на руке, а я продолжаю объяснять: – Он специально настроен не очень громко, и мне нравится его мягкий звук. Почти не фонит и у него мягкое, обволакивающее звучание, что очень важно в моей работе. – Поэтому мой ник в Instagram *aubree.speaks.softly*⁸, но я, конечно, не могу сказать об этом Ною.

– Значит, ты действительно дублируешь фильмы?

– В основном малобюджетные сериалы и детские анимационные сериалы. – Ной расплывается в ухмылке, и мне кажется, что я знаю, о чем он думает. – Горе тебе, если будешь искать аниме-порно с моим голосом. Я отказалась от заказа, ничего не найдешь.

Его ухмылка становится еще шире.

– Судя по твоему яростному протесту, я явно смогу что-нибудь найти.

Я закатываю глаза.

– Это была не та ситуация, когда я была молода и нуждалась в деньгах. Эти фильмы состоят по большому счету только из стонов и криков от страха. В них презируют женщин, и это ужасно. Именно поэтому я отказалась от работы. Ты ничего не потеряешь, если никогда не увидишь что-то подобное.

– Слишком поздно, – отвечает Ной, слегка скривив рот.

– О, ну ладно. – Мой голос становится хриплым. Ни один парень не должен смотреть подобные видеоролики, а потом на основе просмотренного формировать свое представление о женщинах. Девушкам, конечно, тоже не надо. Когда я представляю себе, что моя младшая сестренка в какой-то момент столкнется с чем-то подобным в сети... У меня по спине пробегает дрожь.

Ной поспешно проводит рукой по волосам.

– Только для того, чтобы сменить тему: это было давно, и уже тогда я подумал, что это какое-то дерьмо. Секс между двумя людьми всегда должен быть на равных... Блин, я не то имел в виду, потому что если так, то... А, черт, просто забудь, что я только что сказал. Все эти фантазии о насилии не для меня. Я не понимаю, что в этом находят, когда женщина...

⁸ обри. говорит. мягко

так... – Ной на мгновение переводит взгляд на покрывало, демонстративно выдыхает и затем убирает микрофон обратно в пластиковую коробку. – Итак, если не брать в расчет аниме, то ты говоришь так, словно твоя работа доставляет тебе удовольствие.

– Мне нравится использовать свой голос в качестве инструмента, – киваю я, – для тебя, наверное, это звучит странно.

– Вообще-то, нет. Как ты пришла к этому? – осторожно положив пластмассовую коробку с микрофоном к остальной технике, спрашивает он.

– Из-за моей... – Я останавливаюсь, потому что понимаю, что чуть не проболталась о маме. Я ни в коем случае не должна этого делать. Айви ничего не рассказывала ему, потому что знает, как я не люблю, когда окружающие знают о моей знаменитой маме. Впрочем, ее отчим лично знаком с ней. Надеюсь, что Бриджит Стерджесс никогда не была темой их разговора за семейным ужином.

– Совершенно случайно, – исправляю я себя. – Один знакомый знакомых работал в то время на студии звукозаписи в Бруклине. Они занимались в основном редактированием песен или делали закадровый голос для фитнес-видео. Но в тот момент они искали людей для детской радиопостановки. С этого я и начала. Большую часть времени я разговаривала с маленькими мальчиками, – замечаю, как снова краснею и как не хватает волос, чтобы скрыть это от Ноя. Гровер лежит на кровати, и я не могу зарыться в его шерсть лицом, поэтому нерешительно мну игрушку пальцами.

Ной улыбается, но я точно знаю, что он мысленно проводит параллель между маленькими мальчиками и моей прической. Его каре-зеленые глаза слишком пристально смотрят на меня.

– Как ты думаешь, – его рука обводит комнату, – сможешь здесь работать?

– Теоретически да, – вздыхаю я, – но в настоящее время почти нет предложений о работе. Большинство зарубежных сериалов сейчас показывают в оригинале с субтитрами. Так что, с финансовой точки зрения, мне не стоило отказываться от аниме, но это уже неважно. Может быть, мне удастся найти работу в сфере записи аудиокниг. Работать, наверное, смогу где угодно, только потом необходимо отредактировать материал в студии, или возьмусь за рекламу.

Во время каникул я озвучивала компьютерную игру, которая только вышла на рынок. *Ashes of Fear*, фэнтезийная игра с демонами и ведьмами. Ее выпустили и на PlayStation, но я не могу рассказать об этом Ною, потому что он тогда будет искать ее, а затем... Он может узнать о моей маме. Айви рассказала мне, что ее сводный брат играет в *FIFA* и другие игры, например *Battlefield* или *Call of Duty*. Не похоже, что ему нравится фэнтези, поэтому надеюсь, что Ной не услышит случайно мой голос во время игры. Тем не менее я удивляюсь, почему захотела рассказать ему об этом. Зачем? Чтобы произвести на него впечатление? Мне должно быть совершенно все равно, что он думает обо мне.

Мой телефон звонит. Достав его из кармана, вижу мамино лицо. О нет! Я не могу больше игнорировать ее звонки. Нерешительно смотрю на Ноя, а затем снова на мобильный.

Он поднимает корзину с бельем.

– Я отнесу это в квартиру Айви.

Когда он оставил меня одну, я делаю глубокий вздох, прежде чем ответить на звонок.

– Привет, мам.

– Обри. – Похоже, мама не ожидала, что я действительно отвечу. Ее дыхание учащается, как будто она куда-то спешит. – Я звонила тебе вчера. Ты не видела? Где ты?

Я сажусь на край кровати и кладу игрушку Ноя себе на колени.

– У Айви, – шепчу я, хотя это неправда. Мои пальцы играют с носом Гровера, а потом с одной из его лап. – Как ты? Как Мэй? Я скучаю по вам...

– Я тоже скучаю по тебе. Почему ты не в колледже? – Слышу, как ее каблуки громко стучат по мостовой. Наверное, она спешит на встречу с прессой. Я знаю, что сейчас у нее пере-

рыв и вся съемочная команда с сегодняшнего дня занята рекламой нового сезона, который начнется через две недели. Это значит, что сегодня ей надо настроиться на постоянно меняющихся собеседников и в конце дня она будет очень нервничать. Так что я могу порадоваться, если она вернется вечером к ужину и сможет поесть хоть немного углеводов.

– Потому что у меня... сейчас нет лекций.

– Что это значит? – Я слышу, как она входит в здание и уличный шум сменяется громкими голосами и шумом лифта. – Сейчас же середина семестра. Ты можешь так легко уехать? Здравствуй, Шошана! – ее голос на мгновение отдаляется от телефона только для того, чтобы сразу после этого зазвучать еще громче. – Я уже начала беспокоиться, ты два дня не подходишь к телефону.

Я начинаю туго обматывать руку Гровера вокруг указательного пальца. Мне нужно сделать прямо сейчас сразу три пункта из моего списка дел. Только я не могу, не могу сказать маме, что вылетела из университета.

– Просто... у меня сейчас свободное время. Один из преподавателей заболел, и его лекции перенесли, поэтому появилось несколько свободных дней.

– О, как здорово! Передавай Айви от меня большой привет. Я хотела ее спросить, приедет ли она к нам на День благодарения, но не хотела смущать, вдруг она решит праздновать в этом году со своей семьей. Может, лучше ты спросишь ее об этом?

Тон ее голоса заставляет меня сжаться. Моя мама не домохозяйка, но семейные традиции и праздники очень важны для нее. Она всегда учила нас, что мы сами должны прокладывать себе путь к успеху, не надеясь на ее популярность, а также прикладывала все усилия, чтобы мы чувствовали себя нормальной семьей. Мама всегда переживает по этому поводу и готова пойти на все ради своих дочерей. Она всегда была такой, сколько себя помню.

– Конечно, я спрошу у нее, – невольно подношу руку к голове, чтобы убрать прядь волос за ухо, но их там больше нет.

– Как отец Айви?

Я отпускаю руку Гровера, и она тут же падает с моего пальца.

– Лучше, он уже дома. – Я бы предпочла сейчас закончить разговор и отключить телефон. У меня нет больше сил притворяться и говорить маме, что все в порядке. Я не лгала Айви, когда сказала, что хочу побыть одна.

– Хорошая новость. Пусть передает ему привет от меня. – Звуки на фоне меняются, и теперь мамины шаги заглушаются ковром. – Обри, ты ведь справишься, не так ли? Я знаю, что уделяю тебе и Мэй мало времени, но этот рекламный тур... это исключительная ситуация для меня. – Она стонет.

– Да, я знаю, мам.

В этот момент в комнату вернулся Ной. Он опускает голову и торопливо проходит мимо меня к своему столу. Я понимаю, что он не хочет подслушивать мой разговор, но стоять все время снаружи и ждать тоже не вариант. Я ненадолго задумываюсь о том, чтобы самой выйти в коридор, но кто знает, кто там может услышать меня, поэтому просто понижаю голос.

– Не волнуйся, все в порядке.

Слышу, как мама с облегчением выдыхает.

– Я знаю, что могу положиться на тебя. У Мэй в интернате все хорошо. – На одном дыхании она приветствует нескольких человек, целует и обнимает их. В трубке раздаются характерные звуки.

– Думаю, что пора заканчивать, мама. – Кажется, она меня совсем не слышит.

– Привет, Маргарет, рада тебя видеть. Фатима, боже мой, я и не знала, что ты на таком большом сроке! Когда должен родиться малыш? – В трубке раздается очередной звук поцелуя, от которого я выдаю гримасу и ловлю взгляд Ноя. Он достал свежие простыни из шкафа и положил их на одеяло рядом со мной.

– Мне пора. Сегодня у меня тридцать шесть коротких интервью. Как только я узнаю у своего агента, когда все закончится, то обязательно позвоню тебе.

– Поцелуй за меня Мэй, когда увидишь ее на выходных.

– Хорошо, Обри, сделаю. – Она вешает трубку, не говоря больше ни слова.

Я не сказала ей правду ни по одному пункту: ни о декане Стоуте, ни о наркотиках, ни о фотографии. Я никогда не прощу себе, если она узнает все это не от меня, а от посторонних людей.

Телефон выскальзывает у меня из рук. Я смотрю на свои колени и делаю глубокий вздох. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Вдох...

– Он мне, конечно, не нужен, но оставь его в живых, хорошо? – наблюдая за мной, Ной удивленно вскинул одну бровь.

Я замечаю, что полностью перекрутила Гровера, еще чуть-чуть, и его голова оторвется.

– Ой, Гровер, прости! – я быстро распутываю его конечности и осторожно опускаю на кровать.

– Когда я в прошлом так же мучил его, это значило, что у меня все очень хреново. – Ной продолжает смотреть на меня со странным выражением на лице. Я пытаюсь улыбнуться в ответ, но из этого ничего не выходит.

– Так вот почему он такой лысый, – я пытаюсь пошутить.

Ной вместо ответа кивает на кровать и говорит:

– Мне нужно сменить постельное белье.

Я тут же вскакиваю с кровати.

– Я могу сделать это сама.

Ной не стоило перестилать для меня кровать. Мне и так очень неудобно, что я выгнала его из квартиры.

– Я предпочитаю сам застилать свою кровать.

Я ему мешаю, и он пытается оттеснить меня бедром в сторону, но натывается на пустоту. Не знаю как, но уворачиваюсь от телесного контакта с ним. Ной делает вид, что не заметил мою странную реакцию, и стаскивает с матраса шерстяное одеяло и простыню. Он бросает постельное в кучу на пол, после чего расстилает чистую простыню на матрас. Я помогаю ему. Из-за огромной кровати комната кажется крошечной. Наверное, Ной проклянет меня сегодня ночью, когда свалится с жесткого узкого дивана Айви.

Когда кровать уже застелена свежим постельным бельем, Ной исчезает в ванной, чтобы собрать свои туалетные принадлежности. Я заталкиваю свою коробку под письменный стол, чтобы она не мешалась. Не хочу разбирать свои вещи. Надеюсь, что входную дверь в квартиру Айви скоро починят и Ной вернется в свою комнату. Положив рюкзак на кровать, я достаю ноутбук и ежедневник. Проверяю свою электронную почту, чтобы узнать, не поступил ли новый заказ от представителя, с которым работаю, но единственное сообщение было о предложении рекламы сухих завтраков. Они предлагают *выкупить права* на аудиозапись длительностью на год и гонорар пятьсот долларов, но для этого нужно ехать в определенную студию Нью-Йорка. Эта поездка обойдется примерно в сто пятьдесят долларов. Я пишу сообщение в агентство, чтобы узнать, оплатят они мне дорогу или нет, но надежда на это очень мала. Скорее всего, они просто выберут другой молодой голос, который находится поблизости.

Ной выходит из ванной и протягивает мне ключ от своей комнаты.

– Он у меня один, – говорит Ной и замолкает, словно ожидает моей реакции. – Так что не переживай, я не смогу просто так войти сюда.

– Благодарю, – ключ был теплый, будто Ной долго держал его в руке, прежде чем отдать мне.

– Айви только что написала мне, что получила ответ от администрации общежития: слесарь придет в понедельник.

– Только через четыре дня? Почему так долго? Может, он сможет прийти пораньше?

– Не в этот понедельник, а через неделю, – отвечает Ной.

О, блин! Целых одиннадцать дней! Я не могу так долго занимать его комнату.

– Знаешь, я не буду против, если ты...

– Увидимся, – он поднимает руку на прощание и, взяв еще кое-что из вещей, выходит.

Дверь хлопает, и я остаюсь в комнате одна.

Я смотрю на кровать, потом на пустую полку, с которой Ной забрал книги. Его комната очень функциональная и яркая, но довольно грязная. На пыльном столе лежат еще несколько книг, куча листов и кабель от ноутбука. Мусорная корзина забита бумагой, пакетами из-под чипсов и пустыми банками из-под колы. Мне бросается в глаза, что у Ноя очень много светотехники. В левом углу рядом с письменным столом стоят два софита, с помощью которых можно осветить предмет, и дополнительный кольцевой софит с кронштейном для смартфона. Наверное, все это нужно для его аккаунта в Instagram.

Не хочу лезть не в свое дело, поэтому вытаскиваю из кармана смартфон, чтобы отвлечься. На экране телефона высвечиваются три новых сообщения в WhatsApp. Я знаю, что лучше не смотреть их, потому что это очередные оскорбления, прочитав которые, буду долго мучиться. Тем не менее открываю приложение.

Первое сообщение от Тейлора, который интересуется, как у меня дела. Второе сообщение с неизвестного номера. Оно несколько не отличается от того, которое я получала день назад. Отправитель ругает меня последними словами и предлагает трахнуть как следует.

Я чувствую привкус желчи во рту. Дрожащими пальцами блокирую отправителя и быстро удаляю чат. Последнее сообщение пришло от мамы, и от него мне становится еще хуже.

Мама: Была рада услышать тебя, дорогая. Прости меня, что так мало бываю с тобой и твоей сестрой. Я очень рада, что мне не нужно беспокоиться о тебе. Ты даже не представляешь, какое это облегчение. Я люблю тебя.

Глава 6

Ной был абсолютно прав. Эта кровать – самое лучшее из всего, что со мной произошло за последнее время. Кровать и Гровер, которого я крепко обнимала всю ночь, совершенно промокли от слез. Я рыдала полночи, а потом совершила наиглупейшую ошибку: со всей силы швырнула смартфон о стену. Это был абсолютно необдуманный и ужасно глупый поступок: можно было просто выкинуть SIM-карту и больше не получать эти оскорбительные сообщения.

Осознав все это, я еще больше разозлилась на себя. Встав с кровати и окинув взглядом комнату, нашла у Ноя на полке тяжелый кубок. Он был привинчен к массивному и довольно тяжелому мраморному постаменту. Взяв его в руки, начала от отчаяния бить им по телефону. В какой-то момент кто-то внизу проснулся и начал стучать по потолку. После этого я обессиленно упала на кровать и наконец-то уснула. Утро не принесло облегчения. Из-за вчерашней глупости мне нужно не только оформлять договор на новую SIM-карту, но и покупать новый смартфон.

Вздыхнув, я перекатываюсь на бок и стаскиваю с себя тонкую простыню. Ночью я сильно вспотела. Когда плачу, всегда потею, как сумасшедшая. Белая рубашка, которую я надела для сна, была вся мокрая и прилипла воротничком к коже. Я провожу рукой по шее, потом по затылку. Боже мой! Шок приходит мгновенно, когда я касаюсь коротких волос на голове. Я совершенно забыла о том, что сделала вчера со своими волосами! От осознания произошедшего по рукам побежали мурашки. Я быстро одергиваю руку. Может, мне стоит повесить полотенцем зеркало Ноя в ванной комнате? Кажется, у меня может случиться сердечный приступ, если я сейчас увижу себя.

Как будто мне мало проблем, думаю я, вспоминая о последних восьмистах долларах на счету. Это все деньги, которые у меня есть и на которые мне придется жить довольно долгое время, потому что новые заказы, похоже, получу еще не скоро. В любом случае я могу позволить себе купить только подержанный смартфон. Может быть, мне стоило подождать четверга и принять предложение доктора Уорда? Теперь уже поздно. В принципе, я могла бы сэкономить на тесте. Изменил бы мою ситуацию положительный результат на наркотики? Нет. Я все еще отчислена из колледжа и все еще вру маме. Виновато ли в этом снотворное или нет – это не имеет никакого значения.

Стук в дверь прервал мои размышления.

Ной? Может, ему нужно что-то взять в комнате? – промелькнула мысль у меня в голове.

О черт, я же не одета! «Погоди», – кричу я в панике и вскакиваю с кровати. Я бегаю по комнате, а стук в дверь усиливается так, что дверь начинает вибрировать. «Я уже иду! Прекрати!» О боже, он ведь не выбьет снова дверь? Хватаю джинсы со стула, но следующий удар о дверь заставляет меня вздрогнуть. Я роняю джинсы на пол, бросаюсь к двери и поворачиваю ключ. Когда дверь широко распахивается, тут же сознаю свою ошибку: темно-коричневая кожаная куртка, темные очки и широкая улыбка на оливково-коричневом лице.

Это не Ной!

Я издаю удивленный хрип и пытаюсь захлопнуть дверь, но незнакомец мешает мне, успевая поставить ботинок между косяком и дверью.

– Забудь об этом, мальчик.

– Убирайся! – Со всей силы я наваливаюсь на дверь, но тут же понимаю, что не смогу долго продержаться. Незнакомец очень силен. Сантиметр за сантиметром он открывает дверь, как будто меня нет. Отталкивает меня назад, словно я младенец. От гнева и страха на глаза наворачиваются слезы. Отпустив дверную ручку, я одним прыжком отскакиваю к столу и хватаю трофей Ноя. Своим самым угрожающим голосом, который тренировала для главного героя компьютерной игры, я говорю:

– Если ты приблизишься еще хоть на шаг, то я пробью тебе череп.

Парень весело опускает солнечные очки. Он моложе, чем я думала, но точно старше Ноя на несколько лет. Черные татуированные звезды расположены от шеи до левого уха.

– Прости, ошибся. Ты явно не парень, но это не повод быть такой враждебной, Битси.

Я дрожу всем телом и крепко обхватываю трофей, чтобы быть готовой кинуть его в ухмыляющееся лицо незнакомца.

– Чего ты хочешь?

– Ной знает, что я сегодня приду. Меня зовут Хоакин. – Он произносит свое имя, как Ва-Кин.

– Ноя здесь нет.

– Где этот дятел прячется? В туалете? – парень делает шаг вперед, чтобы зайти и посмотреть, но я встаю у него на пути.

– Стоп! Я тебе еще раз говорю: Ноя здесь нет, так что убирайся! Если тебе что-то нужно от него, то, черт возьми, позвони ему на мобильный, как любой нормальный человек! Я хочу, чтобы ты ушел прямо сейчас.

– Наверняка он скоро вернется. Я просто подожду его здесь.

– Нет, здесь ты точно не останешься.

– А ты не перебарщиваешь? Я не причиню тебе вреда, Битси. В конце концов, это его комната. Я просто посижу здесь и подожду своего приятеля.

Я перебарщиваю?!

– Ты только что вломился сюда, придурок, и говоришь, что я перебарщиваю?! – Я ужасно зла. Мне страшно. У этого парня шея шире, чем мое бедро. Он похож на бизона.

– Ты сама открыла мне дверь, – невозмутимо произнес Хоакин.

Кровь стучит у меня в висках, в горле образовался ком, я едва могу дышать и говорить.

– Я не приглашала тебя войти, так что убирайся, ясно говорю? Нет?! – На глаза навернулись слезы. В голове вспыхнули тысячи картинок: пиво, вечеринка, момент, когда я проснулась и не могла вспомнить, что произошло, тошнота, головокружение, фотография, взявшаяся из ниоткуда, моя нагота, отвращение к неизвестным мужским рукам, к себе самой. Это все моя вина, моя вина, я сама во всем виновата!!!

– Нет! Нет! – кричу я ему во весь голос.

Парень пятится от меня, но я кричу все громче и громче.

– Ты не имеешь права свободно входить сюда только потому, что это комната Ноя. Я не хочу, чтобы ты был здесь. Я хочу остаться одна. Я не хочу, чтобы ко мне кто-то прикасался. Тебе ясно это?! Я сказала нет! – громкие рыдания вырываются из меня, они звучат так отчаянно, что я сама пугаюсь этого.

– Не истери, ладно? Я уже ухожу, раз для тебя это такая трагедия.

– Я не истеричка! Я сама решаю, что хочу! И я хочу! Это! Нет! Я хочу, чтобы ты исчез! – угрожающе приближаюсь к нему.

Хоакин делает несколько шагов назад.

– УБИРАЙСЯ! – кричу я и швыряю в него кубок Ноя. Когда он наконец-то выходит в коридор, я бросаюсь к двери и трясущимися руками дважды поворачиваю ключ, прежде чем рухнуть на пол и зарыдать.

– Обри, ты слышишь меня?

– Да? – Я все еще дрожу, когда слышу голос Ноя за дверью.

– Это я, Ной.

Как будто я не узнала его голос, так похожий на голос Джейми Каллума. Я завернулась в тонкую простыню и прислонилась к двери, словно охраняя ее.

– Открой, пожалуйста, дверь, – он сказал это так мягко, почти шепотом.

Я ненавижу, когда он говорит таким голосом, потому что сразу хочется сказать «да».

– Нет, – резко вырывается у меня, как удар хлыстом.

– Хорошо, – Ной вздыхает, – просто мне очень нужен мой шлем, он лежит в шкафу, правая дверь.

Проходит несколько минут, пока его слова доходят до меня. Я несколько раз кашляю и переспрашиваю Ноя:

– Какой шлем?

– Мой шлем для верховой езды. Я забыл про него, а тренировка начнется через полчаса. Он черный, с подбородочным ремнем. Ты сразу увидишь его.

– Хорошо, подожди. – Я вскакиваю, оборачиваюсь простыней несколько раз и придерживаю, чтобы она не соскользнула вниз. Босиком подхожу к шкафу Ноя и распахиваю правую дверцу. Мое горло совершенно пересохло от крика, и теперь я могу только хрипеть. Режиссер, с которым я работала, наверняка бы присвоил этому крику третий уровень интенсивности. Так кричат, когда рядом с фигурой, которую озвучивают, падает и взрывается бомба. Это последний крик в жизни.

Я стону. Шлем, шлем, где шлем?

Трясущимися руками отодвигаю стопку свитеров в сторону и смотрю за ней. Шлема нет. Я наклоняюсь и приподнимаю пару джинсов. Под ними лежит спортивная одежда и что-то вроде жилета. В шкафу чисто, но вещи сложены не очень аккуратно. Только в предпоследнем ящике я обнаруживаю жесткий, обтянутый черным бархатом шлем.

– Он у меня, секунду, – хриплю я. На негнущихся ногах возвращаюсь к двери и кладу руку на ключ. Вдох. Выдох.

Я поворачиваю ключ один раз, второй, затем нажимаю на ручку и открываю дверь ровно на столько, чтобы можно было протиснуть шлем. Не поднимая глаз, передаю Ноем его шлем. Почувствовав, что он взял его, захлопываю дверь. Быстро поворачиваю ключ в замке и, прислонившись лбом к дереву, жду, когда услышу удаляющиеся шаги, но Ной не уходит.

– Ты еще здесь? – шепчу я так тихо, что он, собственно, и услышать-то не должен был.

– Да.

– Почему?

Ной тихо вздыхает.

– Я хочу поговорить с тобой о том, что произошло.

– Ничего не произошло. Я в порядке. Тебе не нужно беспокоиться. В любом случае *ты и так слишком много сделал для меня.*

– Да, черт, Хоакин рассказал, что у тебя был нервный срыв.

– Мне очень жаль, что снова беспокою тебя. Все на самом деле в порядке. Я... твой приятель просто вел себя, как полный придурок.

– Это я ему уже разъяснил, поверь мне. Ему очень жаль. Хочу сказать тебе, что он никогда не испытывал такого страха перед женщиной.

– Он не мог сказать этого.

– И все же сказал. Куин хочет увидеть тебя на ринге. – По голосу Ноя слышно, что он смеется.

– Что он имел в виду?

– Что ты должна прийти к нему в боксерский клуб.

Очень смешно!

– Передавай ему большой привет. Он легко побьет меня.

– Ну, – протягивает Ной, – он сказал, что ты яростная, как львица, но руки у тебя словно из пудинга, и с этим надо что-то делать. Я же думаю, что он не прав. В твоих руках нет пудинга.

– Ах, нет?

– Ни капельки. Все еще хуже. Они у тебя, как у Гровера, – тихо смеется Ной.

– Ну, оба вы меня точно победите.

– Приехали, – Ной вздыхает. – Обри,пусти меня. Что это за бред, разговаривать через дверь?

– Ты же должен идти, у тебя скоро тренировка.

– Нет, мне никуда не надо идти.

– Разве тебе не был нужен этот проклятый шлем для тренировки?

– Я соврал. У меня это хорошо получается, как ты могла заметить вчера утром у Айви.

– Только вот Айви не поверила ни единому твоему слову.

Ной немного помолчал, потом заговорил снова:

– Ты вообще видела этот шлем? Он, черт возьми, из бархата. Я что, выгляжу как человек, который станет это носить? Его купил отец. Как по мне, этот шлем девчачий.

– А какой тогда носишь ты?

– У меня есть шлем цвета хаки, пластиковый и жутко неудобный, но зато выглядит по-мужски. Кроме этого, я несколько раз сталкивался в нем, и череп, на удивление, все еще цел.

Я улыбаюсь и не могу ничего с этим поделать. Мои пальцы неподвижно лежат на ключе, но через мгновение, не раздумывая, открываю дверь.

– Возможно, тебе стоит пересмотреть свои предрассудки. Мне, например, кажется, что твой мозг в этом шлеме уже пострадал.

Ной заходит в комнату и, положив шлем на стол, поворачивается ко мне. На нем снова потертые джинсы и простое серое поло, с эмблемой конноспортивного клуба Дартмута. Мне нравится серый цвет. Кроме того, он хорошо сочетается с зелеными глазами Ноя. Только я почему-то терпеть не могу, когда он смотрит своими зелеными глазами, делая вид, что волнуется за меня. Мы ведь совсем не знаем друг друга. Он должен заниматься своими делами, а не заботиться все время обо мне.

– Мне правда очень жаль, что я накричала на твоего приятеля... Хоакина, – поправляю я сама себя, – так вышло, потому что я испугалась.

– Понимаю, меня он тоже иногда пугает. – Губы Ноя расплываются в улыбке, но через пару секунд она исчезает. – Предполагаю, что он действительно сильно испугал тебя. Позвонить Айви?

Я быстро и отрицательно мотаю головой.

– Ни в коем случае. Ей лучше остаться с вашим отцом. Для нее это очень важно, и, думаю, твой отец тоже нуждается в ней. Я справлюсь, честно. – Но это была очевидная ложь: я до сих пор вся дрожала, и Ной, определенно, видел это.

– А что бы сделала Айви, если бы была здесь? Я имею в виду, в вашей дружбе же есть какая-то чисто женская вещь, которая помогает в таких случаях? Может, мне посмотреть с тобой «Титаник»?

Боже мой, опять этот голос! Я с трудом сглатываю и стараюсь не смотреть в его глаза, потому что мне становится смешно. Я представила, как мы с Ноем сядем сейчас рядом на диван, укутаемся в плед, включим «Титаник» вместо «Век Адалин» и будем есть фрукты с мороженым. Правда, мне это не поможет.

– Я могу принести тебе шоколад, если хочешь. Он помогает даже против дементоров. – Вокруг глаз Ноя образуются морщинки от улыбки. Мне просто нужно улыбнуться в ответ.

Хорошо, если он хочет это услышать, то скажу.

– Айви бы просто обняла меня.

Улыбка исчезает с его лица, и Ной кивает.

– Хорошо. Думаю, у меня получится. Просто представь, что я Айви.

В первую секунду у меня перехватывает дыхание. Мне обнять его? Он что, спятил?

– Это не сработает, Ной.

– Может, стоит попробовать? Да, ты можешь остаться в этой комнате, задернуть шторы и, не знаю, спать, рыдать или что-нибудь еще. А можешь подойти ко мне и обнять своими

тонкими, как у Гровера, руками. Я мог бы, конечно, сделать это и сам, но боюсь получить от тебя в пах, так что решение за тобой.

– Я никогда не сделаю этого, – вырывается у меня.

– Черт возьми, Обри, ведь все не настолько плохо. Ты подруга моей младшей сестры, не так ли?

Я помотала головой.

– Я имела в виду, что никогда не пну тебя.

– О, хорошо, понял. – Ной улыбается. Он садится на свой стол и опирается руками в столешницу. – Я жду.

Вот это да! Этого ты долго будешь ждать, даже не представляешь, как долго!

– Ты определенно сошел с ума!

– Я знаю. Так ты идешь?

Я неуверенно поднимаю руки и тут же опускаю их обратно. Ной совсем спятил. Эта ситуация – полный абсурд, но тогда почему мое сердце колотится так сильно, что уже началась одышка.

Ной выглядит совершенно непринужденным. Он ухмыляется и ждет, когда я подойду и обниму его. Но почему? Потому что у меня только что был нервный срыв, а он просто хочет утешить меня? За всю жизнь я не испытывала ничего подобного.

– Тебе поможет, если я закрою глаза? – Ной улыбается еще шире.

– Не знаю, попробуй, – хриплю я в ответ. Не понимаю, что происходит. Может, если он действительно закроет глаза, будет лучше схватить свои вещи и исчезнуть? Если повезет, то мое ржавое корыто заведется еще раз, да и бензина там еще два галлона.

Ной закрывает глаза.

– Хорошо, это первый уровень.

Он и правда закрыл глаза. Не могу поверить в это. Я могла бы сейчас спокойно ударить его в пах и убежать, или обнять его, что было полным сумасшествием. Сумасшедший, он просто сумасшедший, сумасшедший!

– А что будет на втором уровне? – спрашиваю я. Мое сердце скачет, дыхание тяжелое, как будто я участвую в марафоне.

Обычно, когда я прихожу в студии, чтобы записать озвучку для нескольких кадров, режиссер приветствует меня и говорит: «Там стоит кофе, здесь текст. Пожалуйста, говори в этот микрофон». Правда, при озвучке *Ashes of Fear* все было совсем по-другому. Это была моя первая длительная звукозапись и пока самый большой проект. Иногда мне приходилось работать в студии одновременно с десятью дублерами. Мы по большей части озвучивали боевые сцены и должны были звучать, как запыхавшиеся, поэтому режиссер требовал от нас делать перед записью по десять отжиманий, чтобы в голосе слышалось физическое напряжение. В этих случаях голоса звучали естественнее, лучше, чем после спортзала. А если к отжиманиям добавить еще и гири, то тогда дыхание точно сбивается. Вот и теперь, когда я спросила у Ноя про второй уровень, мой голос звучал, как после отжиманий.

– На втором уровне я уберу свои руки за спину.

Боже мой. Он что, всегда такой? И с Айви тоже?

Ной действительно убирает руки за спину. Закрывает глаза и переплетает пальцы сзади. Теперь он выглядит немного беспомощным, но очень милым. Теперь это становится интересно! Черт возьми, а что будет представлять собой третий уровень? Может, он позволит мне связать себя?

– Ты можешь связать меня, но только если возьмешь что-нибудь мягкое. Ненавижу эти колючие веревки из хозяйственного магазина. У тебя, случайно, нет с собой пары мягких наручников?

Пресвятая Богородица! Он что, читает мои мысли?!

Я даже ничего не могу ответить на вопрос, потому что комок в горле увеличился до размеров баскетбольного мяча. Мои ноги медленно двигаются вперед: один шаг, второй, третий, четвертый, пятый, шестой... И вот я стою прямо перед Ноем.

– Ты теперь стоишь передо мной, не так ли? – спрашивает он.

– Да, – хриплю я. – Ты боишься, что я могу что-то сделать с тобой?

– Да нет. Думаю, что мне нечего опасаться, ты немного хилая.

– Хорошо. – Все это очень странно. – Хорошо, хорошо. – Я протягиваю руки и поднимаю их: во-первых, Ной слишком далеко для объятий, во-вторых, простыня начинает сползать, когда мои руки отпускают ее. Я делаю еще шаг вперед, пока мои босые ноги не касаются кончиков его сапог. О проклятье, на нем действительно сапоги для верховой езды! То есть он не соврал про тренировку и теперь опаздывает на нее. Мой взгляд медленно поднимается от его сапог вверх, скользит по рваным джинсам, плоскому животу, на котором я вчера прочитала фрагмент текста песни Banks, и тут мне вспоминается все предложение: «*And sometimes I don't got a filter, but I'm so tired of eating all of my misspoken words*»⁹.

Я вижу его мышцы и выделяющиеся соски под поло. Или ему холодно, или... не знаю, может, он тоже нервничает.

– Ты же не плачешь, не так ли? – уточняет он.

Я сглатываю.

– Нет, я не плачу, не волнуйся.

– Хорошо. – Ной с облегчением вздыхает.

– Не подсматривай! – требую я.

– Понял.

– Потому что мне придется отпустить эту дурацкую простынь.

– Блин, – протягивает он, – ладно, обещаю, подсматривать не буду.

Как в замедленной съемке, я протягиваю руки к Ною, и простыня тут же начинает раскручиваться. Чувствую себя глупо и неловко, я точно не стала бы делать этого, если бы Ной смотрел на меня. К счастью, он не смотрит, закрыл глаза и закусил нижнюю губу. Мне бросается в глаза, что она полнее, чем верхняя. Надеюсь, что Ной делает это не потому, что смеется надо мной. Если он рассмеется, то внутри меня все сломается, я точно знаю это.

Простыня медленно сползает вниз к моим ногам. Я тоже закрываю глаза и касаюсь кончиками пальцев боков Ноя. Надо сделать это быстро и безболезненно. Руки скользят по его полю назад, к спине. Я обнимаю его, потому что хочу этого. Ноги упираются в его колени. Я прислоняюсь головой к его груди и чувствую щекой, как быстро бьется его сердце. Это совсем не то же самое, что обнять Айви. Это что-то совершенно другое.

Ной невероятно теплый и не такой мягкий, как Айви или Гровер. Он жесткий, но тем не менее его обнимать приятнее, чем игрушку. Его дыхание спокойное, но сердце стучит так же быстро, как и мое. Правда, чем дольше я обнимаю Ноя, тем спокойнее становятся наши сердца. Как хорошо просто обнять его. Я никогда не думала об этом. Однако...

– Второй уровень – дерьмо, – внезапно говорит Ной.

В этом он прав. Несмотря на то, что мне приятно и утешительно чувствовать его тепло, но обнимать того, кто не отвечает взаимностью, – это очень странно.

– Если... так... Думаю, я не буду возражать, если мы вернемся на первый уровень.

После моих слов я сразу чувствую, как Ной напрягается. Мышцы его живота становятся стальными, когда он медленно переносит свои руки из-за спины вперед. Я, затаив дыхание, жду, когда он обнимет меня, но Ной, кажется, не знает, что делать. Спустя секунду он кладет мне руку на голову и осторожно прижимает к себе. Его пальцы на моем коротком ежике вызывают у меня смешанные чувства. Может быть, потому, что он не боится прикасаться к моим

⁹ И иногда я не думаю, что говорю, но я так устал умалчивать то, что не решаюсь сказать.

коротким волосам? А может, потому, что это заставляет меня чувствовать себя некрасивой? Не думаю, что его это беспокоит, иначе бы он не трогал остатки моих волос. Его рука нежно ласкает кожу моей головы. Ной касается своим большим пальцем моего виска, а комок в горле раздувается и превращается во что-то еще большее, чем баскетбольный мяч.

– Черт, Обри, ты же обещала не плакать.

Глава 7

– Мне очень жаль, – всхлипываю я.

Ной отпускает мою голову и обхватывает меня обеими руками. Он крепко прижимает меня к себе. Если бы я знала раньше, что это будет настолько крепко, то, наверное, передумала, но сейчас мне просто хорошо. Некоторое время мы стоим вот так рядом, потом Ной говорит:

– Когда вы, девушки, плачете, то сразу образуется целый океан.

Я смеюсь, но вместе со всхлипами получается странное хрюканье. Как стыдно, но Ной расслабляется. Тогда я глотаю оставшиеся слезы и медленно освобождаюсь из его объятий. Он и правда помог мне, но не стоит злоупотреблять его терпением. Ной опускает руки и открывает глаза после того, как я поднимаю простыню и снова укутываюсь в нее. Мне кажется, что он выдыхает с облегчением. Немудрено, наверное, Ной сейчас вне себя от радости, что наконец-то избавился от меня.

Надеюсь, что он не испортит момент и не спросит, лучше мне сейчас или что-то в этом роде, потому что если я честно отвечу – да, мне лучше, немного лучше – то будет еще более неловко.

Ной моргает, словно ему нужно время, чтобы сориентироваться. После, оттолкнувшись от стола, он вытаскивает из заднего кармана маленькую карточку и протягивает мне.

– Меня просили передать тебе. Это от Куина.

Наши пальцы на мгновение соприкасаются, когда я беру визитку. Она сделана из грязно-горчично-желтого картона с напечатанным черным логотипом спортивной студии. Я переворачиваю визитку. На обратной стороне нацарапано ручкой:

Крошка, прости! Заходи как-нибудь, потренируем твои слабые ручки, чтобы в следующий раз смогла закрыть дверь.

Это мило... Я удивлена. Если учесть, что я накричала на Куина, то это действительно мило с его стороны.

– Спасибо, – выпаливаю я.

Внезапно раздается телефонный звонок. Мы продолжаем стоять и смотреть друг на друга, пока песня Найла Хорана слышится из кармана брюк Ноя: *I like the way you talk, I like the things you wear. I want your number tattooed on my arm in ink, I swear...*¹⁰

Ной вытаскивает смартфон из кармана и хмурится. Свайпнув по экрану, он отвечает: «Привет, булочка!»

Булочка. Кажется, это чье-то прозвище. Теперь понятно, почему именно эта песня стоит на звонке. Я сглатываю и думаю, не лучше ли будет уйти в ванную и оставить его одного на время телефонного разговора, но в это время Ной протягивает мне свой телефон.

– Айви хочет поговорить с тобой.

– О, хорошо. – Какая идиотская ситуация! Я почему-то испытываю *облегчение* от того, что это Айви, и подношу смартфон к уху.

– Привет, Айви.

– У тебя что, телефон выключен? Я писала тебе в WhatsApp, но сообщения не доходят, звонила несколько раз, но ты была недоступна. С тобой все в порядке?

– Да, все... прекрасно, – я уклоняюсь от взгляда Ноя. – Мой телефон просто сломался. Я случайно уронила его. – Совершенно автоматически поднимаю глаза вверх и вижу, как Ной приподнял левую бровь. Он понял, что я вру. В отличие от него, я плохо умею врать и чувствую, как мое лицо начинает краснеть от стыда, и поспешно отворачиваюсь в сторону.

¹⁰ «Nice to meet ya».

– Я сейчас поеду в ближайший комиссионный магазин и куплю новый.

Во время разговора беспокойно вожу по полу ногой.

– Я свяжусь с тобой ближе к вечеру. Думаю, что Ною нужно идти на тренировку, поэтому...

– Дай мне его на минутку.

Без лишних слов возвращаю Ною его смартфон. Пока они разговаривают, я исчезаю в ванной с джинсами и чистой футболкой. Как я и ожидала, вид в зеркале шокировал меня. Почистив зубы, умываюсь, затем наношу тональный крем. Мне придется выйти за дверь и перестать прятаться, поэтому я крашу глаза. Я обмакиваю тонкую кисточку в маленькую баночку подводки от *Fat and the Moon*¹¹ и рисую стрелки на веках, прежде чем накрасить ресницы. Надеюсь, что так взгляд станет более решительным. Затем быстро мажу домашним дезодорантом под мышками. Баночка еще наполовину полная. Мы делали этот дезодорант вместе с Мэй, когда виделись в последний раз. Он слегка пахнет кокосовым маслом, которое мы взяли за основу, и красным апельсином, любимым ароматом Мэй.

Надев на себя простую черную футболку, я рассматриваю себя в зеркале. К сожалению, должна отдать должное Айви, она оказалась права. Мне не хватает только больших солнцезащитных очков и стаканчика кофе, чтобы быть похожей на маму во время съемочного перерыва. Больше всего мне хочется сейчас надеть на голову шапку, чтобы хоть немного спрятаться. Состроив гримасу себе в зеркале, я выхожу из ванной.

Ной убирает телефон в задний карман брюк.

– Это было... быстро, – произносит он, пока его взгляд скользит по мне.

Я пожимаю плечами.

– Без волос наборы уходит гораздо меньше времени.

– Верно. – Ной так долго смотрит на меня, что мне становится неудобно.

– У меня что-то на лице?

Он медленно качает головой.

– Только твои глаза, Обри, больше ничего. – Несколько мгновений Ной глядит на меня, а затем, повернувшись к своему столу, быстро что-то берет с него и протягивает мне.

– Должно быть, он упал с очень большой высоты, со шкафа например.

Черт, это мой разбитый телефон! Я совершенно забыла замести следы и оставила сломанный корпус на столе.

– Ты согласишься, если скажу, что случайно наступила на него?

– Нет, но это не мое дело. – Он кладет его обратно на стол. – Ты же знаешь, что старые приборы просто так не выбрасывают, так ведь? Ты можешь сдать его на пожертвования, вторсырье сейчас ценится.

– Хорошая идея.

– Есть организация, которая занимается сбором старых телефонов, – Ной сглатывает, – я читал об этом в интернете. Они выступают против домашнего насилия.

Странно, его голос звучит так, словно Ной задал мне миллион вопросов в одном предложении. Он задумчиво смотрит на меня.

– Неплохая идея, – хрипло выдавливаю я из себя.

– Но это твоё дело, – он закрывает тему и потягивается.

Почему-то мне кажется, он разочарован, только не могу понять из-за чего. Может, Айви что-то рассказала ему? Я сделала что-то такое, что оскорбило его? Или он просто раздражен, потому что из-за меня опаздывает на тренировку? Или потому, что я заняла его квартиру?

Конечно, он злится на меня.

¹¹ Женская косметика.

– Мне очень жаль, что ты из-за меня... твоя комната и все остальное. Тебе действительно не нужно беспокоиться обо мне. Что бы ни говорила Айви, я справлюсь сама, серьезно. У тебя наверняка полно дел, и забота о подруге младшей сестры не входит в их число.

Я говорила так быстро, что мне нужно было сделать паузу и набрать воздуха, но, когда понимаю, что Ной хочет что-то сказать, продолжаю говорить.

– Надеюсь, что вопрос с дверью скоро решится и я смогу исчезнуть из твоей комнаты и твоей жизни. Ты правда помог мне, спасибо, Ной, спасибо за все. – Я держу его за руку, что выглядит странно после того, как мы обнимались. Мои слова звучат почему-то как прощание. Голос бесстрастный и холодный, но это только потому, что я боюсь лишиться его последних нервов своими слезами. Честно говоря, я могла бы использовать этот голос для рекламы пакета акций. Ной определенно будет счастлив, если ему не придется больше меня видеть.

– Понятно, – грубо отвечает он, игнорируя мою протянутую руку.

– Я очень благодарна тебе.

– Великолепно. – Он поворачивается к двери и бросает через плечо: – Тогда я пойду на тренировку и оставлю тебя в покое. Если что случится, ты можешь позвонить Айви, как только у тебя появится новый телефон.

После его ухода у меня возникла уверенность, что я все сделала не так. Мало того что я выгнала Ноя из его комнаты, так еще и соврала Айви насчет телефона. Что он подумает обо мне, когда я так глупо разбиваю смартфон, а потом еще и вру об этом? Наверное, решит, что я психопатка, если уже не решил.

Делаю глубокий вдох. Мои мысли сразу становятся яснее. Может, станет легче, если я что-нибудь съем? Нет, не думаю.

Я натягиваю старую толстовку, чтобы защититься от прохладного ветра, обувая кроссовки и достаю из рюкзака кружку-термос. Ополоснув ее в раковине, укладываю все, включая кошелек, в тканевый шоппер и вешаю его через плечо. Может, у Ноя есть шапка, которую он одолжит мне на время? Я злюсь на саму себя, что не спросила его об этом, потому что не могу рыться в его вещах. Вдруг рядом с дверью на вешалке я обнаруживаю темно-зеленую кепку с вышитой буквой D спереди. Нерешительно беру ее. Я обязательно постираю после того, как поношу. Надеюсь, Ной не будет против того, что я одолжу его вещь. Я надеваю кепку, не проверяя, как она сидит на мне, решительно закрываю дверь в комнату.

Дверь лифта закрывается прямо перед моим носом, приходится спускаться вниз по лестнице. Хоакин абсолютно прав: у меня не только руки из пудинга, но и ноги совершенно дряблые. Сначала долгая поездка из Нью-Йорка сюда, а потом дни, безвылазно проведенные в комнате Ноя. Я ненавижу бег трусцой, но хоть какое-то движение должно пойти мне на пользу. Как только я спускаюсь вниз, двери лифта распахиваются, и первое, что бросается мне в глаза, – яркая красная юбка.

– О, привет! Ты ведь подруга Айви, правильно?

Это та девушка, с которой я познакомилась в день своего приезда. Она была с тем парнем, Кеннесо.

– Привет, Дженна! – Хотя у меня нет причин нервничать, я снова чувствую неприятное покалывание в животе.

– Обри, правильно? – Она наклоняет голову в сторону, пытаясь заглянуть под козырек моей кепки.

Я киваю. Обри, просто Обри.

– И как тебе нравится в Кингс-Холле? – Она придерживает для меня входную дверь, и мы вместе выходим на солнце.

– М... красиво. Правда, я еще не видела кампус. – Дженна просто хочет быть милой и для этого ведет непринужденную беседу, говорю я себе. Нет никаких причин для паники, но тем не менее я автоматически хватаюсь за кепку, чтобы убедиться, что она правильно сидит,

а не для того, чтобы скрыть что-то от Дженны. Кепка совершенно не прикрывает затылок. Со стороны девушки очень мило, что она не обращает внимания на мою новую прическу.

– Он тоже огромен. Если ты не живешь вместе с друзьями в одном общежитии или не ходишь на одни и те же курсы, то шанс встретиться просто минимальный.

Сегодня Дженна заплела свои длинные волосы в толстую косу и перебросила ее через плечо.

– Я думаю, что Кен хочет переехать сюда по той же причине. Раньше мы постоянно были вместе, но это было целую вечность назад, еще в средней школе. Сейчас ему, наверное, сложно привыкнуть, что меня нет рядом.

– Понимаю. А ты не хочешь, чтобы он переезжал сюда?

– Я действительно желаю ему самую лучшую комнату, но пусть она будет не в моем общежитии. – С тихим смехом девушка снимает очки, роется в кармане в поисках футляра, а затем надевает солнцезащитные очки.

– Ты на каком году обучения?

– Четвертый семестр. История и педагогика. Я хочу стать преподавателем.

– Здорово.

Для того чтобы избежать ответного вопроса про мою учебу, я говорю первое, что приходит на ум:

– Значит, ты все здесь знаешь? Может, подскажешь, где поблизости есть комиссионный магазин техники? Мне нужно купить телефон как можно скорее, но я не хочу тратить на него много денег.

– Понятно. Моя семья отсюда родом, и у одного из моих дядюшек есть такой магазинчик. Единственное, я не знаю, есть ли у него телефоны. – Дженна задумалась на мгновение. – Если хочешь, я могу позвонить и спросить его, чтобы ты зря не ездила.

– Ух ты, это было бы замечательно. Спасибо. А есть ли где-нибудь поблизости продуктовый магазин? Я не уверена, что моя машина заведется.

– Есть один в тридцати минутах ходьбы. Я могу дать тебе адрес, – она снова останавливается и задумчиво смотрит на меня. – Знаешь, можешь поехать со мной.

Я закусываю губу до боли. Нет, не могу, ни в коем случае не могу вот так взять и сесть к кому-то в машину.

– Я как раз хотела заглянуть в магазин сегодня, поэтому могу съездить с тобой прямо сейчас. Нам нужны материалы, чтобы нарисовать плакаты для нашей следующей встречи в NAD, а у моего дяди осталось несколько рулонов обоев, которые он готов отдать мне бесплатно. – Она вздыхает. – К сожалению, мы не получаем столько пожертвований, сколько другие студенческие объединения. Кен считает это заговором, но я думаю, что это из-за маленького количества членов.

– А сколько человек у вас в объединении? – я до сих пор не согласилась на ее предложение, но для Дженны это кажется само собой разумеющимся, и она расценивает мое молчание как «да».

– На данный момент нас сорок восемь, если ты присоединишься, то будет сорок девять. – На ее лице расплывается улыбка. – Ты могла быть кем-то вроде спонсора. Мы встречаемся каждый четверг в Индейском доме, чтобы спланировать и подготовить наши акции. Изюминкой года является наша церемония на День матери. В последний раз я была в десятке лучших пар на танцевальном конкурсе.

– Ух ты, поздравляю.

– Спасибо. – Дженна достает из сумки смартфон. Во время разговора с дядей она идет в направлении стоянки. Я нерешительно слеую за ней. Как только узнаю, есть ли в магазине дяди сотовые телефоны, пойду к собственной машине. Это будет выглядеть очень странно?

– У него как раз есть два сотовых телефона, и он обещал отложить их, пока мы не поведем, – говорит Дженна после того, как закончила разговор и отключила телефон.

– Это очень мило со стороны твоего дяди, спасибо! – какое счастье, что я встретила Дженну.

Она фыркает.

– Мило не то слово. Бьюсь об заклад, он специально будет утверждать, что отказал из-за тебя пяти клиентам, и попытается получить за это дополнительно десять долларов. – Дженна улыбается. Ее улыбка настолько искренняя, что я улыбаюсь в ответ. Возможно, я даже смогу сесть к ней в машину без дурных мыслей.

Дженна подходит к старенькому «бьюику» и открывает его с помощью брелока сигнализации.

– Ты не возражаешь, если мы сначала заглянем в кафе «Грязный ковбой»? Я готова отдать все что угодно ради сэндвича и кофе, а у них там стопроцентная арабика.

Ладно, решено.

– Нисколько. Я тоже еще не ела.

Кафе находится на центральной улице Хановера. После того, как Дженна припарковалась, она заказала круассан со шпинатом и кофе со взбитыми сливками навынос.

– Мне то же самое, – говорю я и протягиваю парню за стойкой свою кружку-термос. – Без салфеток и пакета, пожалуйста. – Я демонстративно поднимаю клеенчатую салфетку, которая всегда лежит у меня в сумке. Дженна берет свой бумажный стаканчик и пакет с круассаном, а я кладу еду на салфетку.

– Как удобно, может, мне тоже стоит купить себе такую кружку? – произносит Дженна, когда мы снова садимся в машину.

– У тебя действительно такие хорошие отношения с дядей? Я имею в виду, вы часто видитесь?

– Чаще, чем мне хотелось, если честно. – Дженна начинает есть, и крошки падают на водительское сиденье автомобиля.

Я тоже решаюсь откусить кусочек от своего круассана.

– Я помогаю ему два раза в неделю, а он постоянно ворчит на меня, потому что я не умею торговать, – добавляет она с мрачным видом. – Когда кто-то пытается получить скидку, я почти всегда иду навстречу, не умею настоять на своем. В отличие от меня, дядя Джозеф очень жестокий.

В том, что Дженна не преувеличивала, говоря так о своем дяде, я убедилась четверть часа спустя, когда мы приехали в магазин. Дядя Джозеф положил передо мной два смартфона.

– Они оба в великолепном состоянии, можешь сама убедиться, на стекле почти нет царапин. – Он быстро вытирает поверхность смартфонов еще раз. У дяди Дженны длинные, совершенно седые волосы с косой на виске, украшенной пером и несколькими жемчужинами. Когда он качает головой, коса каждый раз попадает ему по лицу.

– Они действительно выглядят хорошо, – говорит Дженна.

– Вы можете включить их? – я хочу посмотреть, какой из них мне понравится больше в плане эксплуатации.

Дядя Дженны морщит нос, словно я попросила его раздеться догола.

– Аккумуляторы недавно заменили, их не надо проверять.

– И все-таки я хотела бы проверить, если вы не возражаете. – Похоже, я сегодня самый требовательный клиент. Теперь дядя Джозеф выглядит раздраженным.

– Я не возражаю, – он фыркает, – почему я должен быть против?

Покачав головой, он нажал на первую попавшуюся кнопку. Похоже, он понятия не имеет, как включается смартфон.

– Тебе нужно нажать одновременно две кнопки, дядя Джозеф, – Дженна закатывает глаза, – правую и левую, потом надо подождать некоторое время, пока он включится.

– Я знаю. Я не дурак. Почему вы, молодежь, всегда думаете, что я ничего этого не знаю? У нас тоже были телефоны, когда вы еще даже не родились.

– Да, – тихо шепчет мне Дженна, – если только раскладушки.

Я с трудом подавляю усмешку. Дядя бросает на Дженну злобный взгляд, а затем издает победный крик: экран телефона загорается.

– Ага!

– Можно? – Дождавшись его согласия, я беру телефон, касаюсь иконки браузера и запускаю его. Я нажимаю на пустую строку поиска, появляется клавиатура на непонятном мне языке. – О, здесь не установлен английский язык.

– Конечно, нет, – говорит дядя Дженны с гордо поднятой головой. – Быть чероки – значит говорить на языке чероки.

Звучит как цитата, но не знаю, кто ее автор.

– А разве можно установить язык чероки на телефон?

– Только на клавиатуру, – ворчит дядя Дженны.

– Обри не чероки, – бросает Дженна. – Ты же не чероки, не так ли? Давай, я установлю тебе английский язык, – говорит она и забирает у меня из рук телефон.

Ее дядя скрещивает руки на груди и критически смотрит на меня.

– Естественно, она не чероки. Итак, что теперь? Ты будешь покупать его или нет?

Я не решаюсь спросить о другом смартфоне, но это не значит, что меня можно обмануть и обобрать до нитки.

– Зависит от цены.

Джозеф качает головой. Его жемчужная коса при этом качается взад и вперед. Он оперся обеими руками на прилавок, его жилет из гладкой кожи натянулся на животе. На его кожаном ремне прикреплены различные инструменты, хорошо виден шестигранный ключ, болтающийся сбоку.

– На ценнике стоит шестьдесят долларов, но это старая цена. Спрос вырос. Мне пришлось отказать трем парням, которые хотели купить мобильный телефон. Между прочим, они были из моего племени. Тебе я продам за восемьдесят.

Дженна бросает на меня многозначительный взгляд. Дяде, кажется, нравится все происходящее. Он заражает меня своим азартом торговли.

– Но если цена старая, получается, что телефоны давно валяются здесь, не так ли? Думаю, что пятидесяти долларов будет достаточно.

Дженна резко вдыхает и толкает меня ногой, но в глазах ее дяди появляются веселые огоньки.

– Ты думаешь, что я меняю ценник каждый раз, когда приходят покупатели? С тех пор, как *У-ка-ша-на* живет в Белом доме, мне приходится откладывать что-то на жизнь. Кто знает, что он еще придумает.

Я понимающе киваю.

– Дженна рассказывала мне, что объединение Коренных американцев в Дартмуте почти не получает пожертвований.

– Дерьмо все это. – Он медленно качает головой, прежде чем его взгляд снова фокусируется на мне. – Семьдесят долларов – мое последнее предложение.

Я задумчиво поджимаю губы. Если я сейчас уступлю, то он, вероятно, будет разочарован.

– У меня есть встречное предложение. Я даю вам пятьдесят долларов и жертвую еще двадцать для NAD. Что думаете об этом?

Дженна закатывает глаза.

– Обри, ты не должна этого делать.

– Почему бы и нет? – быстро говорит ее дядя. – В конце концов, вам нужны деньги. Как ты собираешься платить за обои? Ты что, думала, что у меня есть лишние обои, которые я тебе подарю?

– Но ты ведь сказал, что они тебе не нужны и лишь занимают место на складе.

– Д-а-а-а, – протягивает он, – но это было на прошлой неделе. Сейчас у меня опять появилось свободное место, да и обои никогда не бывают лишними.

Дженна открывает и закрывает рот, беспомощно поднимает и опускает плечи.

– Но у тебя осталось всего лишь три рулона. Этим нельзя даже туалет оклеить!

– Я не знаю, какие туалеты в вашем общежитии, но туалет в моем доме просто крошечный, тремя рулонами я могу его хоть два раза обклеить.

– Но обои-то, розовые!

– Розовый – очень даже хороший цвет, и не только для женщин. Твой кузен Томас носит рубашки розового цвета.

– Он носит их только потому, что должен. Я постоянно выслушиваю, как он жалуется, что его компания заставляет его носить эти рубашки. Кроме того, он не мой кузен!

– Конечно, он твой кузен.

– Все в порядке, – говорю я, прежде чем они продолжают спор. Я достаю двадцатидолларовую купюру и протягиваю ее Дженне. Потом протягиваю ее дяде кредитную карточку через прилавок. Он хватается за нее так быстро, что его косичка качается вперед. С усмешкой дядя Дженны вставляет карточку в терминал. Дженна заплатила за обои десять долларов. Когда мы выходим на улицу, за нами звенит дверной колокольчик. Дженна ошеломленно качает головой.

– Я знала, что он бесчувственная скотина, но чтобы настолько! Я обо всем этом расскажу маме!

– А мне твой дядя, кажется, нравится.

– Серьезно?

– Да, он классный. Мобильный, кстати, тоже. Если аккумулятор не сядет через пару часов, то я буду абсолютно счастлива. Сделка была справедливой, он получил ту сумму, которая была указана на ценнике.

– Я верну тебе десять долларов прямо сейчас.

– Оставь себе в качестве платы за проезд. Я очень рада, что ты взяла меня с собой, спасибо, Дженна.

Она покачала головой.

– Тогда я положу их в нашу кассу для оплаты расходов на кофе. От имени NAD я говорю тебе большое спасибо!

Дженна везет меня в ближайший Волмарт, чтобы я могла купить новую SIM-карту от AT & T¹². Уже в машине я вставляю карту и загружаю WhatsApp, чтобы отправить Айви сообщение.

Новый номер, новое начало. По крайней мере, я надеюсь на это.

¹² Телекоммуникационная компания Америки.

Глава 8

На следующий день я не видела Ноя. К счастью, мне не нужна его помощь. Весь день я провела на кровати с ежедневником на коленях. Разговаривая с Айви по телефону, я попросила ее передать Ноем мой новый номер телефона, чтобы он связался со мной, если ему что-нибудь понадобится из комнаты, а меня в ней не будет. Никому, кроме Айви, мамы, агентства и Дженны, я больше не дала свой номер, даже Тейлору и Дженнифер. Как же хорошо, что я снова могу включать уведомления и никто не будет отправлять мне отвратительные сообщения. Только сейчас я понимаю, как сильно тяготил меня этот постоянный страх. Теперь стало гораздо легче дышать, как будто я распахнула все окна в комнате и как следует ее проветрила.

Я записала свои вчерашние траты в приложение за контролем расходов: деньги, ушедшие на смартфон, новую SIM-карту и еду из кафе. К сожалению, колонка с доходами совершенно пустая. Вздыхнув, я перелистываю свой ежедневник на чистую страницу, чтобы написать новый список дел, а сверху рисую ручкой-кистью красивый *заголовок*. Правда, без колледжа мои цели выглядят достаточно мрачно. Я могла бы попытаться подать документы в другой университет, возможно, даже здесь, в Дартмуте, но сначала надо выяснить, как урегулировать вопрос с моей фамилией. Я ни в коем случае не хочу регистрироваться под именем Обри Стерджесс, потому что боюсь повторения нью-йоркской истории. Может, стоит зарегистрироваться как Обри Харгривс? Это девичья фамилия моей бабушки. Только смогу ли я поступить так с мамой? Я пишу *заявку о поступлении в колледж* и *меняю* в нем *фамилию*, чтобы посмотреть, какую реакцию это вызовет у меня. Пожалуй, я могла бы изменить свое имя. Да, я действительно могла бы изменить имя! Это облегчило бы мне начало новой жизни. Для этого нужно просто заполнить заявление об изменении имени и подать его в суд по гражданским делам. Если получу работу по озвучке рекламы хлопьев для завтрака, то смогу оформить все официально в следующий раз, когда буду в Нью-Йорке. Правда, тогда мне придется поговорить с мамой и рассказать обо всем, что произошло.

Все цели, которые я написала, кажутся мне слишком глобальными. Пожалуй, в моей нынешней ситуации стоит поискать что-то менее значимое.

Кончиком ручки я задумчиво стучу по нижней губе. Я была бы счастлива, если бы обычные прикосновения перестали вызывать у меня панические атаки. Ненавижу быть такой запуганной, потому что это не та Обри, которую я знаю. Я никогда ничего не боялась и не была запуганной. Я выросла в Нью-Йорке, в интернате, который посещала во время обучения в средней школе. Он был похож на центр подготовки *трибутов в Панеме* из «Голодных игр». Если заменить холодное оружие на слухи и интриги, то получится точная копия. Выжил там, то, считай, получил отличную подготовку на всю жизнь.

Только вот после тех наркотиков или снотворного моя уверенность в себе как будто погасла. Я больше не доверяю собственным чувствам. Вполне возможно, что я незадолго до произошедшего флиртовала с тем парнем, который сделал это со мной. Я могла разговаривать с ним, танцевать и даже смеяться над его шутками. Как можно смеяться с кем-то, а потом подсыпать наркотики в напиток? Это же извращение. Благодаря ему я теперь пугливая, страдаю бессонницей, с трудом могу сконцентрироваться на делах и вообще кажется, что у меня начинается паранойя. Я не могу быть прежней! Мне очень хочется относиться к другим людям без всяческих предубеждений, заставить себя покинуть эту безопасную комнату. Визит к дяде Дженны был хорошим началом, но не более того. Я должна что-то сделать, выйти куда-нибудь, перестать бояться.

Я беру более толстую кисть и рисую рамку с несколькими цветочными лепестками. Внутри я пишу первую фразу, которая приходит на ум.

Делай то, чего ты боишься.

Если я преодолею себя и сделаю те вещи, которые меня пугают, но не несут никакой угрозы, то мне обязательно станет легче. Я понятия не имею, как это сделать, но одно знаю точно – мне нужно выйти из комнаты прямо сейчас.

Я достаю свой новый телефон, чтобы посмотреть, не приходило ли от Ноя сообщение. Вдруг он хочет взять что-то из вещей, а я уйду. На экране телефона нет ни одного сообщения. Я открываю WhatsApp и пишу Айви.

Обри: Ты переслала мой номер своему сводному брату?

Мои пальцы играют с визиткой, которую Ной передал мне от Хоакина и которую я бездумно засунула между страницами своего блокнота. Хоакин, кажется, милый. Мне очень жаль, что наша первая встреча прошла именно так. Повернув визитку, щелкаю указательным пальцем по краям до тех пор, пока они не становятся потрепанными. Боксерский клуб недалеко отсюда.

Я могла бы пойти до него пешком за полчаса или рискнуть завести свою кучу металлолома. Может, сходить, посмотреть клуб и дать Хоакину еще один шанс? Это будет своего рода

тест на другую, новую Обри. Я оставляю кепку здесь и... пожалуй, это перебор. Я схожу в боксерский клуб к Хоакину, но в кепке Ноя.

Мой телефон пищит. Я кладу визитку в карман брюк и снимаю блокировку с экрана.

Айви: Конечно, сразу же после того, как ты попросила. А почему ты спрашиваешь?

Обри: Я ухожу и хочу быть уверена, что он сможет связаться со мной.

Айви: Если хочешь, я могу скинуть тебе его номер.

Обри: Да ладно, не нужно. Пока.

Не знаю, почему я отказалась. Наверное, было бы лучше, если бы я не спрашивала у Айви про Ноя. Прежде чем я успеваю расстроиться, мой телефон снова издает звуковой сигнал. Айви отправила мне контакт Ноя. Я нажимаю на номер и автоматически появляется фотография сводного брата Айви. Фотография просто отличная.

Я уверена, что она была сделана здесь, в Дартмуте. На Ное серое поло с эмблемой лошади. Он стоит, прислонившись к забору, а к его плечу склонила голову красивая черная лошадь. Мягкая лошадиная морда, кажется, щекочет его ухо, потому что в уголках глаз Ноя залегли маленькие морщинки, а губы натянуты, словно он вот-вот рассмеется.

Его глаза тростниково-зеленого цвета светятся радостью.

Быстро заблокировав смартфон, бросаю его на кровать. Единственное, о чем я сейчас думаю, как залила слезами его футболку и что он на ощупь гораздо приятней и в миллион раз лучше, чем Гровер. Ной постоянно онлайн, как сказала мне Айви. У него есть свой блог и аккаунт в Instagram, который насчитывает почти пятнадцать тысяч подписчиков. При одной мысли о том, что он мог загрузить на свою страничку мою фотографию, меня начинает мутить. Пожалуй, тростниково-зеленые глаза – последнее, что мне нужно в данный момент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.